

Г. ОГОРОДНИКОВ, В. МОХОВ (тема).

Как кошки Куклачева
попали в невыездные

КРОКОДИЛ

№ 18 (2640)
июнь 1989

ИЗДАЕТСЯ
С ИЮНЯ
1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ
ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

Главный редактор
А. С. ПЬЯНОВ.

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ:

М. А. АБРАМОВ,
А. В. АНИКИЕВ,
Ю. Б. БОРИН,
В. Г. ДЕМИН,
О. М. ДМИТРИЕВ,
Б. Е. ЕФИМОВ,
Ф. А. ИСКАНДЕР,
М. Г. КАЗОВСКИЙ,
Р. Т. КИРЕЕВ,
В. Г. ПЕБЕДОНОСЦЕВ
(ответственный секретарь),
Э. И. ПОЛЯНСКИЙ,
В. И. СВИРИДОВ
(зам. главного редактора),
С. С. СПАСНИК
(главный художник),
А. А. СУКОЦЕВ,
Л. Л. ФЛОРЕНТЬЕВ,
А. И. ХОДАНОВ
(зам. главного редактора).

Технический редактор
Л. И. КУРЬЛКОВА.

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ
ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

Сдано в набор 19.05.89.
Подписано к печати 26.05.89.
А 00299.
Формат бумаги 70 × 108½.
Бумага офсетная.
Сфототипная печать.
Усл. печ. л. 2,80.
Усл. кр.-отт. 11,20.
Уч.-изд. л. 4,54.
Тираж 5 200 000 экз.
(1-й завод — 2 600 079).
Зак. № 708.
Цена 30 коп.

НАШ АДРЕС: 101455,
ГСП-4, Москва,
Бумажный проезд, д. 14

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ
экономики — 250-45-68,
морали и права — 250-16-63,
литературы — 250-09-70,
писем — 212-13-93,
международного — 250-45-78,
художественного — 212-30-00.
Применяя — 250-10-86.

Ордена Ленина и ордена
Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда»,
125865, ГСП, Москва, А-137,
ул. «Правды», 24.

© Издательство ЦК КПСС
«Правда»
«Крокодил», 1989.

КОНКУРС ЧИТАТЕЛЬСКОГО ПИСЬМА

НЕ «ДЕЛАТЬ ДЕНЬГИ», А ЗАРАБАТЫВАТЬ

Уважаемая Л. Хурда!
Прочитала я Ваше письмо в «Крокодиле» № 3. Ох, как же не дают нам покой чужие доходы, как же мы любим считать чужие деньги! Мы будем кричать о «бешеных» доходах кооператоров вместо того, чтобы нам самим задуматься, а что лично мы можем сделать, где можем заработать деньги, чтобы прокормить наших детей? У нас с мужем двое, четыре года я на работе, так как возможности отдать детей в детский сад нет. Хотелось иметь третьего, но поняли, что материально пока не тянем. Как же Вы планировали бюджет своей семьи? Вы пишете: «рабочего зажали», «мы работяги»... Какие же вы работяги? Имея семью из семи человек, зарабатывать 250 руб? Мне было бы стыдно в этом признаться. Настоящие работяги не будут сидеть и плакаться о маленьком зарплате, а будут искать такую работу, которая поможет обеспечить семью.

Мой муж уже четвертый месяц работает в кооперативе. Первые два месяца, пока шло становление кооператива, никто не получал зарплату. Только сейчас, когда пошла прибыль, мой муж стал зарабатывать. Бешеные деньги он, конечно же, не получает, но семья наша обеспечена. Работает он почти без выходных с 9 утра до 12 ночи. Вот это я понимаю — работяги!

А по-вашему, получается, что мой муж «барыга»? И что он «делает деньги»? Он их на делает, от их ЗАРАБАТЫВАЕТ!

С уважением,
И. САМОЙЛОВА, г. Москва.

ОТПУСК ЖЕНЩИНЕ- МАТЕРИ — ПОЛНОСТЬЮ!

Ни с одним из детей я не была в дорожном отпуске положенные 56 дней. С первым ребенком — 7 дней, со вторым — 30, с третьим — 20 дней. Надо мной поминаются: «Не можешь врача обмануть».

Долго болела, детей не было. А в 32 года забеременела снова. В этот раз мне декретный отпуск — больничный лист — давали с 30 марта. Если бы я не возмутилась, на послеродовых бы с врачом, то ни дня не отдохнула бы, так как 30 марта — день рождения моего сына. Все-таки высприлась 20 дней отдыха.

Все дети у меня рождались с нормальным весом, доношенные.

Я учительница, работаю в детском саду с шестилетками. Весь день на ногах, да еще нагрузка: физкультура с ребятами — лыжи, коньки... Вот и каталась почти до родов.

С одним ребенком не так заметно, когда наказывают рублем, а когда семья большая, ощутимо. Конечно, я могла бы в суд подать, но с детьми да работой нет времени ходить по судам.

Редко какая женщина отдыхает перед и после родов все 112 дней. Как подумаю,

что и моя дочь тоже будет страдать от бессмысленно враждебной ситуации, в которую попадают и беременная и врач, становится нехорошо.

Милый Крокодил! Прошу как мужчине помочь решить эту проблему.

Сейчас женщины получают пособие в размере 50 рублей до исполнения ребенку года. Предлагаю: если женщина до родов лишние дни пробыла не болыным, то оплату их можно было бы удержать из этого пособия.

Повторяю: так или иначе, а проблему эту решать надо.

Г. МАРТЫНОВА,
п. Изыхские Копы
Красноярского края.

ЯБЛОЧНЫЙ КОМПОСТ

Крокодил! Ты, наверное, посещаешь магазины «Овощи — фрукты». Заметил, что из года в год всю зиму в этих магазинах продают только венгерские яблоки. А почему не продают российские — прекрасные зимние сорта? Уж не перемерзли ли яблоны, или их вырубил, как уже бывало? Ничего этого не случилось. Земля российская богата плодами и сейчас. Только госагропромовские, центросоюзские и иные с ними бюрократы никак не могут наши российские сорта доставить на столы граждан.

Я — садовод-любитель. Ежегодно перед сбором урожая у нас, садоводов, голова болит от заботы: куда девать урожай? Дома, в Москве, хранить яблоки негде. Продавать на рынке не каждый может. Вот и получается, что добрая половина прекрасных российских плодов идет в колхозную кухню!

Такое базарное положение складывается у всех владельцев садов. Проезжай в глубинку, там увидишь поразительную картину: прекрасные российские плоды кушают «буранки» и «хавронки», а мы с тобой кушаем индонезийские яблочки, так как не можем поднать с земли наши российские.

Наши заготовители во время сбора урожая с успехом могли бы заготовить огромное количество фруктов. По договорным ценам их можно было бы купить у нашего брата садовода. Причем по очень низким ценам, особенно в глубинке. Конечно, требуется обеспечить их зимнее хранение. Вот бы где развернуться нашим предпринимателям! Тогда бы не полки магазинов красовались всю зиму и российские яблочки — причем по цене более низкой, чем сейчас индонезийские. А за рубежом агропромовцы и центросоюзовцы покупали бы нужное для хранения и переработки плодов оборудование.

А. СТАРИКОВ, г. Москва.

300 РУБЛЕЙ ЗА... ХОНДРОЗ

Как-то Волгоградское телевидение показало такую картину: два милиционера тащат под руки упирающуюся бабушку. Бабуля вопит: а милиционеры приговаривают: «Эта она вопит не по мертвому, а ей бражку жалко.» А старушка на старости лет строится, вот и пригостила бражку. А платят она потому, что не бражку ей жалко, а свою одинокую и трудную старость.

Теперь стали старухами женщины рождения 1920—1926 годов, которые из-за войны не вышли замуж. Кое у кого из них есть по одному ребенку, а большинство — совсем одиночки. И пенсия у них невелика, и квартиры одиночки не дают. Вот они и строятся на старости лет. Я сама с 1920 года, строилась, выйдя не пенсимо. Строители — из РСУ. Не поднесешь — уйдут и три дня не появляются, а то и совсем могут уйти не дружку строик.

Беда в том, что борьба с алкоголизмом хлещет по таким бабushкам. Теперь за услуги деньги не берут, и, если у бабули не найдется бутылка, сидеть ей и без угля, без дров, без света... Приходится сотворять какую-либо бражку или, не худой конец, прокисший компот. А дали бы таким бабushкам квартиры да 100 рублей пенсия, не трясли бы их милиционеры.

Ко всему прочему бабки эти, прожившие трудные годы, страдают хондрозами, ревматизмом, радикулитом... Врачей в деревнях нет, лекарь — тоже. Раньше они настаивали на травах водку и растирали свои болячки, теперь же покупают за 10 рублей бутылку санголки, настаивают на травах и лечатся. А соседняя соседка, одна не дружку — виночку, десятка «самозащита»... И летит со всех ног милиционер, ставит у бабки все вверх дном, а попадает ему бутылка с настоем, платит бабка «за хондроз» 300 рублей штраф.

А. ПОПОВА, г. Волжский.

В. ДМИТРИУК, В. ТИЛЬМАН (тема).

«ПЕТР |»

Собрания периода застоя!
Их нужно было только посещать.
Занятие достаточно простое —
Не то что делу душу посвящать.

События привычные, как «здрасьте»...
Я в памяти невольно сохранил
Все эти платонические страсти
И вегетарианские меню.

РАСФОРМИРОВАНИЕ

В 1952 году после проигрыша на
Олимпийских играх сборной СССР
футболистам сборной Югославии
было расформирована команда
ЦДКА (ЦДКА).

В 1963 году, по сути, беспричинно
была расквасирована партийная
организация писателей Москвы.

Хрущевым разогнана наша партгруппа,
Как Сталиным — ЦДКА.
Придувано было довольно неглупо
И, главное, наверняка.

Потом оказалось — несправедливо.
Решили восстановить.
Да только не плодоносит нива,
Не склевывается нить.

Ломать — не строить! Трудились предки,
Как водится, до конца.
Без этого отмирают клеточки,
Скучнеют черты лица.

За темными окнами спит столица,
От сна своих горяча.
Нам с вами уже ничего не снится.
Полковникам — стук мяча.

ТЕХНИКА

Упала старушка,
Сломалась лодыжка.
А рядом подружка,
А с крыши ледышка.

— Давайте носилки! —
Нечестная сила
Рожнице носилки
Прохожих носила.

А дворник-затворник
Вздыхал лениво.
— Ну что ты за дворник?
— Да спину вот ломит...

А техника — где-то,
Приятного цвета,
Подобьем приефта
Нам — от Моссовета.

Но техника все же
Без шума и склоки
Сработала тоже
В короткое срочка.

Надежда эта
Природы примета,
Где техника света
И техника лета.

ПАРА

Он одет довольно модно,
С шейными шелковыми позатко.
А посмотришь: ну и морда! —
Как не душат ни о кош.

А она — почти что серна,
И в сознании мовея
Эти люди как-то скверно
Уживаются вдвоем.

Компаниями бегали в кино,
Тянулись к газировке и сиропу.
Застыж, что заколочено окно,
Прорубленное некогда в Европу.

Лишь несколько неструганных досок,
Подогнанных сноровисто и ловко.
Вот так. Теперь еще наискосок...
А Петр шумит — подумавшь, делов-то!

НА МАНЕВРАХ

Спросил сержант: — А где ефрейтор? —
У бабки около дверей.
Та рот раскрыла: — Гда еврей-то?
Да не пойму я, кто еврай...

Про поросенка или просо
Все знала старая насквозь.
Национального вопроса
Касаться лично не пришлось.

ПРИМИРЕНИЕ

Погрузилась даль осенняя
Во тьму.
Захотелось примирения
Ему.

Дотянулся, щелкнул снизу
Ноготком,
Будто голубь по карнизу
Коготком.

Изнутри к стеклу приблизила
Лицо.
Появлением возвысила
Крыльцо.

Вышла собственной персоною —
Почет! —
Молодая, разозленная
Как черт.

Вы хоть раз встречались с тиграми
В глуши?
Их любили всеми фибрами
Души?

В ДВАДЦАТЬ ПЕРВОМ ВЕКЕ

(Ироническая фантастика)

Таблеточку сухого козьего
Швырнул в стакан с водой. Через минуту
Он пил уже, как в прежние века,
Прошедшие сквозь всяческую смуту.

Другой — таблетку просто проглотил,
Запив глотком казавской минералки.
— Аллах! — скривился первый. — Нету сил
Смотреть на вас. Мanners ваши жалки!

Ну, ничего. Сотрите крупный пот,
Когда и эта выполнена квота,
Ведь как другой смеется или пьет,
Во все века шокирует кого-то.

ТЕТЯ ЗИНА

Из окна смотрела Зина,
Как щербатый ветеран
На ступеньках магазина
Бодро ноги вытирал.

Не довольствовался малым,
Вскоре шествовал лужком
С оттопыренным карманом
И со встреченным дручком.

Мир в черемуховой пене
Препомнялся и тонул.
А вдали девочки пели —
За язык их кто тянул?

«Я залетке дорогом
Пропую частушечку:
Проведи меня до дому,
Поднесу чечушечку...»

И смотрела тетя Зина
На ступеньках магазина
И вздыхала: — Мужики!
Ну, пройдохи! Ну, жуки!!!

А слова частушки старой
Сладко жили на губах,
За околицей-заставой,
В перелесках и лугах:

«Для кудрявого разина,
Моего залеточки,
Отпустите в магазине
Полкило селедочки...»

1979 г.

Моя любимая, замечу между нами:
Я награжу тебя своей судьбами.

Как те фальшдваршалы, что вмиг с груди
снимали
Кресты роскошные на лентах и в эмали.

Под шум ядра или под тонкий визг
шрапнели
Вручали их солдатику в шинели

Простреленной. И говорили: — Ишь ты!..
И, обнимая, целовали трижды.

В тиши или среди пушечного рева
Награда высочайшая царева

В придачу к независимому нраву
Не мне — тебе принадлежит по праву.

БАЛЛАДА ОБ АТЕЛЬЕ

В золотом окне — швея,
И дела у них свои.

Вечерами что-то шьют,
Погруженные в уют.

Проходящий вдоль окон
Соблюдает свой закон. —

Заступает как в пикет.
Пряча за спину букет.

В заключение интервалов:
— Из него пережки выю.

О эта вера отчая,
О эта вера общия
Лишь в то, что напечатано,
Воспитанная тщателью.

Пусть нет у мысли отблеска —
Важней наличие оттока.

Вся суть, что нам дарована,
Должна быть сброширована.

О эта тяга к серости,
Размноженной на керосе!

— Давид Самуилов, всем известна не только ваша тяга к уединению, но и пристрастие к философскому осмыслению жизни. Какая проблема выходит на первый план сегодня?

— Конечно, на первый план выходят вопросы духовной жизни. Мы привыкли к тому, что они вторичны по отношению к производству, к обществу, к государству. Может быть, цивилизация дошла, наконец, до необходимого уровня, но сейчас и производство, и сельское хозяйство, и экология — все находится в зависимости от духовных потребностей. В конце концов мы можем пережить трудную эпоху в экономике — если у нас будут необходимые ПОНЯТИЯ об этом. Речь идет о наличии вообще твердых и высоких понятий в человеке. Эти понятия десятилетиями искажались у нас или вообще вытравились, и мы сейчас пытаемся их снова приходить, иногда даже пугаясь того, к чему приходим. В конечном счете все проблемы могут быть решены при наличии взаимопонимания, т. е. одинаковых понятий в обществе. Одним из факторов, тормозящих этот процесс, я считаю социальный и национальный эгоизм, который сейчас, в обстановке большей гласности, выпячивается на первый план. Это некий искаженный вариант истинных национальных потребностей. Мы знаем, что в прежние времена было очень много пороков и недостатков в организационно-международных отношениях, недостатков в культурной политике, но было у нас возможности решать собственные вопросы культуры. Это оставило естественную травму в национальном сознании — как ты никак не говорил, стало этанизм «выдвинутым фактором».

Я живу в Эстонии. Если взять требования эстонцев и требования интеллигенции — русской части, то сами они, и те и те, в отрыве от действительности вполне справедливы. Но их конкретные проявления часто связаны с трансформацией в службу бескультурной среде. А бескультурье всегда несправедливо, так как желает благ только себе. Многие эстонцы понимают все «перестройку» диктаторского режима, депортацию, высылку... Но основной вопрос сейчас не в том, кто кому может отомстить за страдания, а в том, что мы — два народа, пострадавшие от одного и того же, и если мы сейчас пойдем друг друга — мы что-то сдвинем. Разумная политика — это та, которая при наличии идеала считается с политической реальностью. Разумеется, и высокие идеалы должны быть, иначе прагматизм выйдет на первое место. Это должны учитывать обе стороны. Я уверен, что, если категорически возобладает

Давид САМОЙЛОВ:

«ХОРОШО ДОЛЖНО БЫТЬ НЕ ТОЛЬКО ТЕБЕ...»

одна из двух крайних сторон — конец и гласности и демократии. Политическая ситуация требует диалога. Конечно, во многом еще своя рубашка ближе к телу, но шить эту рубашку следует грамотно, культурно, чтоб рубашками по физиономиям соседей не задевать. Вот приняли в Эстонии вполне справедливый закон о языке. Для национальной культуры, для роста самосознания это необходимо. Но есть там один пункт. О том, что в течение четырех лет русские, желающие жить и работать в Эстонии, должны выучить язык. Прекрасно! Только как выучить-то? Если, скажем, в Швецию приезжает обычный рабочий, даже без специальности, он перед тем, как эту специальность выбрать и получить, ПОЛГОДА НА СТИПЕНДИИ изучает язык интенсивными методами у специально подготовленных учителей. Принять закон очень легко, попробуйте его обеспечить!

Другое дело — экономическая самостоятельность. Возможна такая самостоятельность в Эстонии, скажем, сельское хозяйство в лучшем состоянии, чем в других регионах. Только необходим неизменный, раз и навсегда установленный продалог. И сроки пользования землей. Крестьянин не станет работать, пока не убедится, что земля его. Будет обычная эксплуатация того же участка, взятого на время, выжимание из него всех возможных соков. А потом государство в конце арендного срока получит ни на что не годный пустырь.

Каждый из нас должен понимать, что хорошо должно быть не только тебе, не только данной социальной группе или данной национальности. Не и всем другим. Причем даже в какой-то степени за счет тебя. К сожалению, наше общество еще не доросло до такого понимания. Образцом группового эгоизма является наша бюрократия и наша номенклатура, которая всеми силами старается удерживать свои позиции — и становится серьезным препятствием на пути нашей духовной жизни. Бюрократия препятствует гласности, личной инициативе, и вряд ли словами заставши ее уступить свои позиции. Как-то я видел программу «Взгляд». Вот человек или небольшая коллектив, который может заработать и сэкономить государству миллионы, — и ему препятствуют. И НИКОТО ЕГО НЕ ЗАЩИЩАЕТ, все видит безобразия этого дела — и никто. У нас еще существует такая НИЗОВАЯ ЗАВИСТЬ к человеку, который может хорошо работать и вместе с тем хорошо зарабатывать. Конечно, такие люди будут постепенно терять инициативу и уходить — плывать на все в конце концов.

Из-за недостатка твердых понятий в обществе — о правах, о демократии, о гласности — нас тревожат контрастиция мнений. Мы не привыкли к двум мнениям, не говоря о трех. Мы привыкли к одному. И поэтому крайние мнения могут оказываться некалкалифицированными и даже слишком жесткими. Ну, например, есть группы, которые выступают прямо в защиту сталинизма. Этого не надо пугаться, потому что общество в целом постепенно излечивается от этой болезни, общество понимает, какие слои его, законные или корыстные, хотят сохранить остатки сталинизма. Но ведь есть много людей моего возраста, предположим, которым чрезвычайно трудно расстаться с энтузиазмом своей юности, с закалкой войны. И нельзя не уважать людей, которые с трудом отказываются от своей веры. Мы бы хотели, чтобы они сразу взяли бы и наплевали на свое прошлое! А ведь верность честному прошлому — это положительное качество. Вот когда эту верность кто-то использует в корыстных целях, это отвратительно. Словом, надо от-

личать одного сталиниста от другого. Так называемого «неосталиниста», который всех этих лет не прожил, от искреннего и честного ветерана труда и войны, человека просто старой формации. Конечно, «рескрипирование» всех событий сталинского времени совершенно необходимо. Это и есть тот гуманный способ убеждения, убеждения фактами, который единственно возможен и законен.

Говоря о распространении гуманных понятий в обществе, надо заметить, что и само понятие «гуманизм» трансформировалось. Нас все время учили, что существуют пролетарский гуманизм и буржуазный гуманизм. Буржуазный гуманизм бесплоден, ущербен, беспробитен и неприципиален. А гуманизм — один. Одна система общечеловеческих нравственных ценностей. И второй системы не дано. А права человека — это гуманизм, законодательно закрепленный по отношению к каждой личности. Кстати, для того, чтобы быть полноправной, нацией отдельно взятой личности не хватает прежде всего самосознания. Надо избавиться от внутренних препон и необходимостей. Я считаю, что свободная личность гораздо меньше требует, чем несвободная. Она свободна от многих лишней потребностей. Ей не нужно внешне утверждаться, а утверждение всегда происходит за счет кого-то. Вообще свободная личность гораздо более гармонична. И поэтому более гибкая и создавая, и воспринимая. Наверное, не надо бояться снимать запреты. Боясь своего выезда за границу. Но, во-первых, само сознание возможности выезда отчасти снимает потребность. Люди, у которых есть эта внутренняя свобода, не будут так уж рваться в те самые заграничные. Да, запрет порождает жажду и неодолимо тягу поехать в Голонду. А что мне, собственно, Голонду? Я знаю людей, буквально помятых на этом... А, во-вторых, мир не бездонный мешок. Мы все боимся, что кто-то от нас убежит. Прямо вот так снимаются целые регионы — и плавно парелят, как птицы небесные, куда подальше. Куда? Германия, например, даже всех этнических немцев, которые сейчас у нас проживают, принять не смогла бы.

Кроме всего прочего, остро стоит сейчас вопрос о равенстве. Еще в конце 20-х — начале 30-х годов не было такого разделения общества на сытую номенклатуру и не болно сытый народ. Потому что номенклатура тогда не настолько отличалась и не столько ее было. Не было этого мафиозного круга разделения, который существует сейчас. Не было привилегированных высших учебных заведений. Не было так называемых «позвоночных», не было спецшкол.

Условия для равенства у нас существуют. В лужицкой, например, России не было еще даже сознания равенства сословий. Сейчас сознание есть. Но есть и преграды — наличие привилегированных прослоек, которые получают не по труду и таланту, а по положению. Недавно я прочитал меню «чеховской» столовой в Литве. Это замечательный документ неравенства в распределении и даже в ценах. Это меню нашего обычного ресторана по столовским ценам. И не только в области продуктовой. У данного сословия самые разные возможности. Меня совершенно не возмущает, когда условия жизни крупного ученого, инженера, хозяйственника отличаются от условий среднего человека — ведь и вклад его выше среднего, и это есть распределение по таланту и труду. Возмущает, когда к крупному ученому приравнивается человек, пишущий бумажки и получающий куда больше того, что он стоит.

— А что тревожит вас как писателя, как представителя творческой интеллигенции, так сказать, по роду службы?

— К сожалению, у нас все еще существует РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ИСКУССТВА. Когда человек создает художественное произведение, у него нет гарантии, что оно будет ОБЪЕКТИВНО оценено. По причине некалкалифицированности многих критиков, занимающих места не по таланту. По причине конъюнктуры: говорят «плохо» не потому, что бездарно, а потому, что «не ко двору», не wpisывается в стандарты. За Йосифа Бродского, например, заступились на суде Маршак и Чуковский. Разве их выслушали? Разве приняли их мнение к сведению? Слушали непрофессионалов, говоривших то, что было тогда нужно. Да сколько-то отнесялись — и в основном по причине талантливости в искусстве и науке никогда не гасит. Это только бездарь боится — прежде талант и его вытеснит. В литературе, чтобы амортизировать такого рода «неуспевания», издательства должны быть более независимыми, с очень профессиональными сотрудниками — чтобы туда не сыпали чиновников от культуры «руководить писателями», а годами учили, воспитывали редакторы.

— Вы были знакомы со многими прямо-таки легендарными поэтами, учеными, писателями. Расскажите для разрядки что-нибудь смешное «из архивов»!

— После 1953 года мы часто беседовали с Ахматовой. Она была человеком с удивительным чувством юмора, а кроме того, обладала необычайной точностью выражения. Как-то она встретилась с Фролом — знаменитым американским поэтом. Естественно, я поинтересовался — как впечатление. Она тут же ответила...

— Ну что ж очень милый падеушка. Помолчала и добавила. — А может, даже уже прабабушка... Еще помолчала — и закончила. — У него столько наград, сколько у меня несчастлива...

— А Николай Глазков! Однажды, уже после войны, он пришел ко мне в гости. И тут же зашел академиком Ландау. Это была встреча двух гениев. Между прочим, себя Глазков, подавая руку, одно время рекомендовал «Г-н Г-н», что означало «Гений Глазков». Ландау обычно называл себя коротко — «Дау». Именно таким образом они познакомились. Глазков сказал:

— А я был на Ваганьковском кладбище и видел могилу художника Дюу.

Ландау очень живо отозвался: — Это не я!

Тогда Глазков сообщил: — А я самый сильный из интеллигентов.

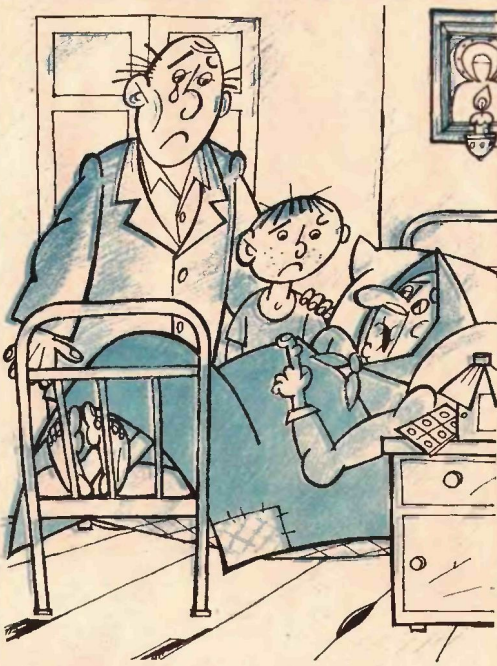
— Нет, — сказал Ландау, — самый сильный из интеллигентов — профессор Виноградов, он может сломать толстую палку.

Глазков не слался: — А я могу сломать палено!

После чего немедленно предложил Ландау сыграть в шахматы и, кажется, выиграл.

Навстила писателя в Пярну
Наталья ГРАЧЕВА.

СЪЕЗД НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ: ЭТО ВОЛНОВАЛО НАШИХ ИЗБРАННИКОВ...

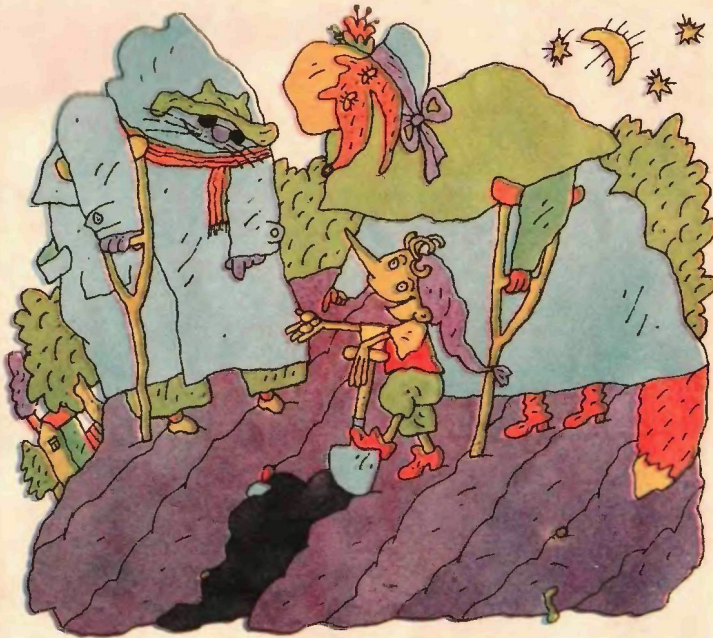

— Копи смолоду, внучек, не жди нового закона о пенсии...

С. РЕПЬЕВ

В. УШЕРЕВИЧ-БОРОВСКИЙ, В. МОЧАЛОВ (тема)

Как зароешь денюжки в землю, так считаешь себя гидромелиоратором!

В. ДМИТРИУК, В. ВЛАДОВ (тема)

В. ЛУГОВКИН

Итак, допустим. Допустим, что наступило такое благословенное время, когда мебельные фабрики подтажились, мебельные магазины распахнули свои двери для всех — и полное мебельное изобилие наступило. Пришла пора радоваться и плясать от счастья.

Пришла ли? Не спешите бить в барабаны, читатель. Дело в том, что ваша мебель, как бы это помпехе выразить, испускает токсичный дух.

Что? Вы не знали о таких неприятных свойствах «стеноч», диванокроватей, столов и прочего? Странно. Хотя откуда вам знать? Объявлений об этом в мебельных магазинах не вывешивают, по радио не сообщают, рекламных проспектов, в которых разъясняется, что из чего делается, пока не выпускают за полной безопасностью — и так расхваливают все подряд...

Знакомся в Минздраве РСФСР с бумагами, имеющими непосредственное касательство к столам, шкафам и прочей продукции мебельных предприятий, я увидел двухлетней давности письмо заместителя Главного государственного санитарного врача СССР (тогда эту должность занимал Э. М. Саакянц). В нем недвусмысленно было сказано: «...Не допускается применение ДСП на основе формальдегидсодержащих смол... в производстве детской и школьной мебели...»

водственное объединение «Детская мебель».

— Как же так! — возмутился я. — Значит, почти все 36 образцов мебели для детей на 75—80% делают из ДСП? И столы для пеленания новорожденных тоже? Но ведь есть официальное запрещение Минздрава СССР!

— Мы только изготавливаем мебель, а сырье нам предоставляет НИО плитной промышленности, — заявил генеральный директор Р. П. Воский. — Мы получаем готовый «ламинат» — детали, облицованные пленкой.

Н. КВИТКО, специальный корреспондент Крокодила

И сразу потянуло меня в мебельное царство — посмотреть и, если можно будет, даже, извините, нюхнуть детскую мебель.

— Скажите, пожалуйста, — обратился я в магазине к субъекту в синем халате с эмблемой мебельной фирмы, — из чего сделаны кровати и «стенки» для школьников?

Субъект, очевидно бесконтактный отнюдь не с покупателями, презрительно смерил меня взглядом и изрек:

— Не с металла же!

— Наверно, из ДСП!

— А где вы видели, чтобы мебель у нас делалась из чего-нибудь другого? Гарнитуры за пять-шесть тысяч рублей идут из ДСП, а эта мелочь...

«Уймись, волнения страсти» — мысленно пропел я сам себе и отправился туда, где рождается «эта мелочь», то есть в московское произ-

водство ламината, пленка — все это звучит очень красиво, но существо, содержащее, начиная от этого не меняется: ДСП есть ДСП.

Но может, не во всех мебельных предприятиях так, мятло выражаясь, прореагировала на предостережение Минздрава? Контроль за соблюдением санитарно-гигиенических параметров возложен на заводские лаборатории, а контролировать их деятельность должны санитарные станции.

Так вот, это официально-логическое построение рассыпалось при первом же столкновении с жесткой действительностью: на большинство мебельных предприятий нет лабораторий! А в Московской городской СЭС мне объяснили, что проверить исполнение указанного документа не представляется возможным, поскольку предприятия создают мебель по ГОСТу,

а он каким был до письма, таким и остался...

И все же я решил заглянуть туда, где производят мебель для школ — столы и парты. В Москве их делают предприятия ППО Моспромстройматериалов.

Заглянул. И обнаружил все те же ДСП. И никаких других «ламинатов». В связи с этим у меня возникли вопросы. Они начали выплывать, как грибы после дождика.

Допустим, что детскую мебель и школьные парты станут делать из нетоксичных материалов. Допустим. А как ограбить ребенка от формальдегида дома, если нет возможности выделить детям отдельную комнату?

А как быть, например, с не очень здоровыми взрослыми или стариками, которым везде у нас почтен? Задавать такие вопросы ответственным мебельным товарищам абсолютно пустое

Надежды старческой

Признаться, я и сам об этом, как говорится, ни сном ни духом, пока по заданию редакции не заинтересовался, из чего же делается мебель, если основная масса натуральных пиломатериалов идет совсем на другие дела...

Вы только не пугайтесь и не волнуйтесь. От новой мебели никто еще, вульгарно выражаясь, не дал дуба. А на всякие там ОРЗ, ларингиты-фарингиты мы не очень обращаем внимание. Зато мы шалеем от счастья, когда нам удается добыть красивый гарнитур, на 99 процентов сотворенный из ДСП.

А все дело в технологии. Чтобы древесные отходы превратились в древесностружечные плиты, то есть в материал для мебели, в тесный контакт с ними должны войти специальные химические материалы — карбамид-формальдегидные и фенол-формальдегидные смолы. Они-то и обладают едким свойством выделять аммиак, фенол, формальдегид и прочие вещества, которые, как расказывает мне кандидат медицинских наук В. М. Стенькин, зав. лабораторией Пестовского НИИ гигиены имени Эрисмана, просачиваются в микроскопические отверстия, изъязвы и щели и незаметно, постепенно, понемножку проникают в организм владельца мебели.

дело. Они в ответ бьют козырной картой: без ДСП невозможно выдать столько мебели, сколько сегодня требуют покупатели, сколько нужно народу! На это никаких лесов не хватит!

Правда, товарищи из мебельной промышленности утверждают, что половина производимых ими плит безвредна. И вообще, мол, ничего страшного в токсическом поведении мебели нет! Больше того, ПДК — предельно допустимые концентрации токсичных веществ в ДСП, по их мнению, должны быть пересмотрены в сторону увеличения. Вот так!

Об этом сказано в письме Минлеспрома СССР заместителю председателя Совмина СССР, председателю Госстроя Ю. П. Баталину.

Есть в этом послании еще один интересный пассаж. Но прежде я кое-что еще расскажу о подлых качествах ДСП.

Дело в том, что эти качества находятся в прямой зависимости от количества чем больше формальдегидной смолы в ДСП, тем хуже для людей. Безвредных, нетоксичных видов у нас — увы! — пока нет. Не производим мы еще и активные вещества, так называемые актипоры, которые связывали бы всю вредную гадость в смоле и не давали бы ей выпариваться на просторы наших квартир

КИНОЗУБ

«СТРА-А-ШНО, АЖ ЖУТЬ!» — пугают нас два новых фильма

Именно так звучал припев одной из юмористических песен Владимира Высоцкого, в которой, как вы помните, леши, веды и прочая нечисть колоробродили в «страшных муромских лесах». Но мы не пугались, напротив, улыбались, понимая, что все эти сказочные страсти-мордасти — не более чем шутка.

Я вспомнил эти слова, когда просмотрел две новые картины о молодежи двух наших весьма известных режиссеров старшего поколения. Так вот, страшной жуть в них, пожалуй, с лихвой хватит на годовую продукцию «ненаших» фильмов ужасов, а уж роверов, наркоманов и прочих славных представителей «группы риска» столько, сколько и в самых злых местах столицы не всегда встретишь. А как же иначе, ведь само «Тригедии» в стиле рок режиссер Савва Кулиничкинал «об нашей советской молодежи» именно так, с ударением на первом слоге, величают ее пожилые бюллетеньщики нравственности, сидящие на скамейках перед домом. И которая, если верить фильму, в основном и состоит из вышеперечисленных

персонажей. Да и старшее поколение представит на экране далеко не в лучшем виде.

Впрочем, давайте по порядку. Итак, жила-была в Москве одна очень милая семья Папа, бабушка и маленький девятидцатилетний Витенька — студент юрфака. Идиллия в семье была полная (несмотря на давным-давно брошившую их маму) — от квартиры, битком набитой всем тем, что мы с вами видим в телевизорах, до самых простых американских джинсов, до совместных прожектов сына с папой по уткам и вкусных бабушкиных пирожков. И вообще папа, обыкновенный советский инженер, был кумиром не только для Вити, но и для своей компании «шестьдесятники», дружно и под гитару предающиеся воспоминаниям о былой, естественно, прекрасной и честной юности.

А потом грянула трагедия. Папа оказался элементарным ворюгой, связанным с мафией (вот гад, а еще «шестьдесятники» из себя корчили), и попал за решетку. А Витюша очень страдать начал в свои младенческие девятнадцать, ибо, конечно, не догадываясь, отку-

да у папы-инженера филиал «Бережки» на дому. На эти-то чувства и сыграл другой мерзавец-мифизис, маскирующийся до поры до времени с помощью бритой головы и третьего глаза, нарисованного на лбу, под безобидного поклонника бога Кришны. Он приучил атлетически сложенного малютку сначала к «колесам» (таблеткам, которые, как вы сами понимаете, совсем не от головной боли), а потом и вовсе «на итлу посадил». И не только самого Витю, но еще и его друга, а также сверкающую девушку Лену, которую потом периодически и со вкусом насылает на экран. Все это, конечно, под тяжелый рок, ту самую роковую музыку, которая, по утверждению некоторых писателей, является порождением дьявола и американского империализма.

Словом, режиссер с, каким-то сладострастием начинает живописать все ужасы бытия героев. Их «полюк» без «колес», попок и лысьх девиц, свальный грех, загаженную квартиру, недержание мочи у героини и массу других увлекательных подробностей из жиз-

ни молодых наркоманов. Ну, скажите, что может вызвать у зрителя та растленная молодость, кроме естественного чувства омерзения и неаппетита? Тем более что никаких иных эмоций, судя по всему, она не вызывает и у создателей фильма. Какое там милосердие, жалость, какая там пушкинская «мильость к падишим», если фильм истерично вопит: ату их, ату, всех этих металлистов и рокеров, всех этих маленьких воров и артефактов! Тут-то и становится страшно. Когда в финале, после смерти отца и сына, в зале облегченно вздыхают (мол, туда им и дорога, проклятым) и начинают с подозрением поглядывать на «антилегионов» и тех, кто носит прищипки неуставного образца. И становится обидно и горько за режиссера, который начал с хорошего фильма «Мертвый сезон», а теперь снимает такую вот — не трагедию! — провокацию в стиле рок.

Но вот и другие герои — тоже молодые, тоже интеллигентные, тоже москвичи (правда, играют их почему-то сплошь прибалтийские актеры, и поэтому их персонажи, русские люди, если судить по именам, вдруг начинают говорить с забавным «нюкстраным» акцентом). Вот как говорил режиссер в одном из своих интервью: «Наш фильм — о сегодняшнем дне, о том, какими мы пришли к новому долгожданному этапу в развитии нашего общества, что из дорозного нам сохранили, что потеряли, на что надеялись, как все же пронесли наши идеалы через все

Но все же существуют у нас три класса ДСП по уровню выделения формальдегида. Высший класс выделяет в три — шесть раз меньше, чем низший. Так вот, медики требуют низший класс вообще аннулировать напроц, а дерево и школьную, в частности, мебель делать только из ДСП высшего класса. А работники Минлеспрома СССР в упомянутом письме просят «поручить Минздраву СССР» повременить с такими требованиями, пока у нас не появятся нетоксичные смолы, и «временно» не требовать от них производства плит только высшего класса, поскольку это — цитирую — «...практически неэкономично и экономически неоправданно...»

Как говорится, умри, Денис, лучше не скажешь! Интересно, кто, где, когда подсчитал экономическую оправданность здоровья и нездоровья? И что это за «экономика», если

она приносит вред людям? Мы многие годы экономим на экономике и теперь пожинаем горькие плоды...

Впрочем, уже создан проект нового ГОСТа. Предполагается, что существование низкосортных ДСП класса Е-3 будет ограничено в 1990 году и в дальнейшем. И тогда мебель, по мысли разработчиков, станут создавать из менее токсичных или совсем нетоксичных материалов... Свежо предание, да верится с трудом. Не готовы к этому ни химии, ни мебельщики.

Разве что произойдет некое чудо. Этаким мебельный переворот. Или нашу долгожданную мебель станут наконец делать из натуральной древесины. Ведь «надеждой сладостной дыша», мы как-то лучше чувствуем себя даже в окружении нитратов с нитритами и химикатов типа формальдегида...

От редакции. На этом, дорогой читатель, мы завершаем публикацию фельетонов, посвященных одной и той же волнующей теме: мебели. В № 16 мы рассказали о том, как она распределяется в Москве. В № 17 поведали о причинах ее дефицита. В этом номере проинформировали о том, из чего и как она делается.

Согласитесь, все это не смешно. Все эти мебельно-производственные аспекты вызывают некоторое недоумение. Больше того, они вызывают легкий шок и яростный гнев. Особенно у покупателей новоселов, а также новоселов.

В связи с чем у Крокодила возник ряд вопросов к ряду ведомств.

Во-первых, к Минлеспрому, Минхимпрому, Миннефтехимпрому, Минстанкопрому, Минудобрений и Минлеспору:

— Почему не выполняются обязательства перед народом о расширении производства мебели?

Во-вторых, персонально к Минхимпрому:

— До каких пор мебель будет делаться из ДСП на основе токсичных веществ, наносящих вред нашему здоровью, хотя, как Крокодилу стало известно, мебель на экспорт делается из веществ безвредных?

В-третьих, персонально к Минлеспрому:

— Почему растут цены на мебель? Может быть, министерство считает, что хозрасчет — это один из новейших способов «честного отъема денег» у покупателя, провозглашенных неизвестным литературным героем?

И наконец, к Моссовету и некоторым другим местным Советам:

— До каких пор местные органы власти, отринув социальную ответственность, будут проводить политику Крокодила при распределении мебели вместо торговли ею?

Крокодил ждет ответа на заданные вопросы.

периоды застоя». Так определил известный советский режиссер Игорь Таланкин тему своей новой картины «Осень, Чертанов» (по роману Г. Семенов «Ум лиюцца»). Фильм он снял методом семейного подряда, ибо привлек в соавторы сценария и постановщика Дмитрия Таланкина — сына.

Честно говоря, ни «идеалов», которые «пронесли» ни «дорогого», что «сохранили», я в картине как-то не обнаружил. Да и мудрено было, если героиня с ходу заявляет такую вот свою жизненную программу: «Надо стать развратной, чтобы быть святой». Мысль, конечно, интересная, но не бесспорная, надо заметить. Впрочем, только не для героини, которая живет с мужем — талантливым физиком (которого любят), но любит не менее талантливого писателя (которого еще и уважает), а спит с совершенно неталантливым шерошером (которого боится). Вот такая неклассический любовный четырехугольник (а, судя по биографии героини, таких «углов» в ее жизни было немало, уж такая она многогранная натура по этой части). Хотя картина, конечно же, о другом, ибо, как гласит аннотация: «Героиня фильма, московских интеллигентов, тревожат несовершенство и бездуховность современного мира, последствия научно-технического прогресса». Не знаю, может быть, но по поводу тревожат их эти самые глобальные проблемы, скажем прямо, в самый неподходящий момент, в какой-то А тут еще роковы на мотоциклах появляются и, как

у них, у роковер, заведено, насилуют героиню прямо на бетонном полу, в жутко антисанитарных условиях и, по-моему, не сходя с мотоцикла (вот они, последствия научно-технического прогресса!). Но потом выясняется, что это только призрачные писатели, принимаемые для храбрости больше, чем нужно. Нет, оказывается, все же насилуют, но не роковы и не на полу, а неизвестно кто, но зато на снегу. Правда, потом героиню убивает. А муж ее запер в окно, но не из-за смерти жены, а потому, что кто-то украл его личное биопле. А на писателя падает с крыши ледяная глыба, но рядом. Зато умирает теща, но, увы, бывшая. Вам все понятно? Мне — тоже не очень, но, очевидно, у них в Чертанове да еще осенью все не как у людей. Страш и жуть, короче.

Господи, а ведь был прекрасный, искренний фильм «Сережа». И по-настоящему поэтичные «Дневные звезды». И снял их в свое время все тот же Игорь Таланкин. Куда что делось? А осталось... Воспользуясь одним из грамотных фразеологизмов — «Мелодраматическая пошловатая история» — а вы пытаетесь сделать из нее трагедию... Это же взгляд обывателя на интеллигенцию. У вас нет концепции сценария в целом... ведь это дилеттантство. И вообще, по большому счету, все это неправда».

Увы, лучше не скажешь. П. СМЕРНОВ.

Александр БОНДАРЕНКО, специальный корреспондент Крокодила

ГАРНИЗОН В ГЛУБИНКЕ

...На холме, посреди чиста поля — позиция радиолокационной роты. Крутятся антенны станций, днем и ночью несут боевое дежурство воины-локаторщики, охраняя вверенный участок неба.

— Напрасный труд! — воскликнет совсем уже искушенный читатель. — Кто сейчас, в эпоху «нового мышления», нападет на нас?

Риску возразить: не так уж и чист еще политический горизонт, и мы порой жвем-жвем выладем за действительное. Да и случайности, подобные пресловутому «пролету Руста», не исключены. В войсках ПВО, к слову, сделаны из этого чрезвычайного происшествия должные выводы... А сколько жизни спасено теми же воинами-локаторщиками! Порой именно они первыми припринимали сигнал бедствия терпящего аварию воздушного судна, выводят на курс заблудившиеся самолеты.

Вообще, согласно нашей оборонительной доктрине, противозенитной обороне отводится главенствующая роль, а ведь РГВ — радиолокационные войска — это глази и уши ПВО. Так что все вполне соответствует времени и новому амплуа.

До крупных оранжевых экранам индикаторов ползут отметки от целей — летящих в воздухе объектов. Поглядывает на них дежурный по пункту управления старший лейтенант Роман Варчик.

— Наш «Жорик», — беззлобно умехнувшись, представляет его политрабпичный капитан Вячеслав Косарев. — А впрочем, офицер добросовестный, дисциплинированный, знаток техники.

«Жорик» — жертва одностороннего разоружения — это современный армейский сленг. Так именуют тех, кто увольняется в запас по сокращению Вооруженных Сил — в том числе и добровольно. Раньше офицер в любом случае обязан был отслужить положенный срок. Теперь «ворота открылись» — и желающих уволиться в запас оказалось предостаточно.

— Чем же вам не понравилась служба? — спрашивает а.

— А знаете, что такое «точка»? — вопросом отрезает Варчик. — Лично я здесь уже исслужился, хватит! Хочется и самому и семье по-человечески, по-нормальному пожить!

Мы решили подсчитать, сколько часов в неделю трудится офицер радиолокационной роты. Приходит на службу в 8, уходит — после 19 часов. Минус час обеда — вот вам и десятичасовой рабочий день при шестидневке. Плюс к тому — боевое дежурство, когда нужно безотлучно находиться на позиции. Отдежурил — отдыхай. Если, конечно, вся техника исправна, не надо ее чинить. Если не объявили «готовность» — не начали тренировку. Вот и выходит, как минимум, 64 часа в неделю. Сверхурочные

не оплачиваются, работа в выходные отгулом не компенсируется, «замещение» — а это приходится делать постоянно — в зачет не идет. Плюс к тому — ответственность за людей и за технику, за несение боевого дежурства, вызовы на службу в любое время, переводы с «точки» на «точку».

— Пойду работать на авиационный завод в родном городе, — мечтательно говорит старший лейтенант. — Как минимум, 200 рублей будет. И жена наконец-то пойдет работать. Материально только выиграла.

— Военный, так сказать, городок КПВ три деревянных строения, приземистый гараж. Почувствовал «свежего человека», на меня пикируют тучи комаров.

— Стоим на болоте, — отгоняя мошкару, уточняет капитан. — Сырость, холод, комары... Не курорт, в общем.

Как посмотреть! Дома, в которых живут семьи, вполне курортного вида. Сборно-щитовые, без фундамента. Может, в Крыму или на Кавказе они были бы на месте, но здесь, ближе к северу... Зимой мороз доходит до минуса 50. Но и — 30 градусов достаточно, чтобы насквозь проморозить стены, выступив в комнатах шпиль. Вьюга а дохнет не только гниют, но и «гуляют», корябятся. Вещи, постельное белье надо раз в месяц выносить на улицу для просушки — иначе пропитает все насквозь запах затхлоści... Счастье, что сумели в дома затклотить паровое отопление и баллонный газ. Но вода — в колоде, туалет — холодный.

В одном длинном барачного типа здании расположен весь «гарнизон» радиолокационной роты — казарма, кафельная, столовая, ленинская комната. Мирок, ограниченный по периметру колючей проволокой. Вокруг — лес.

Офицеры и солдаты выполняют职责 своей воинской долг. А жены офицеров — Лена Зайцева, Света Варчик и другие — совсем еще юные, горожанки, студентки-заочницы — что держит их здесь? Любовь к мужьям, которых не видят ни сутками, а то и неделями? Чувство долга? Сказать сложно... Но жить так, как живут они, — это вообще выше всякого понимания. Бытовых удобств — никаких. Работы нет ни у кого.

Впрочем, устроится на работу можно. Маленький город, довольно близко, за час можно доехать. Но идти-то надо в темноте, по булыжку в холод — на это не всякий мужчина решится... Автобусы же с «точкой» не ходят. Возить женщин в город на роторном транспорте, старом-престаром грузовике, тоже очень сложно. Лимиты бензина и моторесурсов жесточайшие, их с трудом хватает для обеспечения боеготовности и жизнедеятельности подразделений. Да и тента или будки на грузовике нет.

Поставить их не сложно, но тогда машина не сможет войти в гараж, построенный самими солдатами, хозспособом, из кирпича, который достали где-то. Не будем уточнять, где и как, но по-иному не достать.

Хорошо хоть иногда удается жеман офицеров вылезать на грузовике в город — по машине. Часа на два, на три. Не больше. Это единственное развлечение, кроме телевизора.

Зато жилья хватает почти для всех. Единственный безквартирный — лейтенант Александр Булкинский, холостяк — живет по городу. Если кто-то уезжает в отпуски отдает ему ключи. С мебелью — бедновато. Тесно для веда, да и стоит ли вести ее из города? Старость все равно побуйит. И вообще — жизнь у офицеров кочевая. Капитан Вячеслав Косарев, например, не размещая еще четвертого десятка, смеялся пять «точек». На одном месте больше двух лет задержаться не пришлось. Какие уж тут гарниатуры?

Вот так и живут защитники неба нашей Родины. Хотя после του «прелета Руста» было принято решение об обустройстве «точек», наметены жесткие сроки выполнения. Но от прошло некоторое время, и апечтление от этого позора как-то стерлось, сроки выполнения продвинулись. Не решены вопросы жилья, снабжения отдаленных гарнизонов, нет в штате транспорта для нужд семей военнослужащих, медицинское обеспечение отсутствует полностью.

Рота наша — Рота наша — рассказывает капитан Косарев. — Часть гражданцев переходим Красным знаменем военного совета округа. Батальоне совсем боевое дежурство, давно изжили грубые нарушения воинской дисциплины, нет у нас случаев «деловщины». А вот бытовые условия... Одно спасает, что у большинства развито, остробно чувство долга. Живут по принципу кто, если не я? — лишь чувство долга и удерживает офицеров на месте. На «точках» сейчас могут служить только истинные патриоты, люди, очень сильные нравственно.

Говорит мне это политработник, и чувствуется в его словах тревога. Известно ведь, ныне престиж военной профессии падает. Причины тому много, но бытовая неустроенность, несоответствие оплаты отношению труда его содержанию и напряженности — это из важнейших. Снижаются курсы и военные училища, прекращается армейские династии.

— Ну что я в жизни видел, что жалки. Ужилье сына желудка да встанших зубов? — говорит сыну покойной майор или капитан, современный Максим Максимыч. — Нет, не домая свою жизнь, не иди по моему пути. Подумай о своих будущих детях! Пусть в человеческих условиях растут, а не на «точке». Поступай в институт, устремляйся на завод, в кооператив. Зароботок — верный, жизнь — куда как спокойнее.

Идет сокращение Вооруженных Сил, военного бюджета. Неужели, как это нередко у нас бывает, все сделают تحت механической? Рубанут какие-то статьи расходов или отведут поменьше отпущено? — и порядок? Нет, необходимо не просто сокращать, а еще и перераспределять, думать о благосостоянии людей, охраняющих и защищающих Родину в достаточно экстремальных условиях, об их семьях, разводящихся с офицерами все тяготы и лишения военной службы.

За последние годы в политике нашего государства произошли решительные перемены. Сокращается уровень вооружения — как в двустороннем, так и в одностороннем порядке. Но давайте посмотрим честно — по доброй ли воле и от хорошей ли жизни уходят из армии офицеры, ранее мечтавшие о военной карьере? Уходят не те, кто служит в больших штабах, учреждениях, военно-учебных заведениях. Уходят те, на чьи плечи возлагается основная тяжесть несения боевого дежурства, поддержания боевой готовности, воспитания личного состава. И это не может не тревожить.

Ордена Ленина Московский округ
противовоздушной обороны.

ЧЕЛОВЕК ЗДЕСЬ НЕ ПУККИЕ

Пожалуй, пришел конец спорам о том, как обращаться друг к другу. Помните, еще несколько лет назад все были увлечены поисками благозвучных и уместных обращений к незнакомцу или незнакомке в улице, в транспорте или учреждении. «Товарищ» казалось слишком официальным, от «гражданин» и «гражданка» веяло милицииским холодом, «дядюшка» предполагало звание анкеты, «мама» звучало старомодно и глупо. Даже предложенные писателем Солонухиным исконно русские «сударь» и «сударыня» не прижились.

А вот теперь все чаще и чаще слышишь «мой дорогой», «моя дорогая». Что ж, и современно, и уважительно, и демократично, и изящно. Иногда упрощают, говоря просто «дорогой», «дорогая». Правда, пока все больше обращений направлено на предметы неодушевленные: «Моя дорогая плашка», «Моя дорогая карточка», «Дорогое мыло», «Дорогая колбаса» и т. д. Но, как говорится, лиха беда начало. Главное — привыкнуть к словосочетаниям подобного рода, полюбить их, сделать неотъемлемой частью нашей повседневной жизни. А в этом, надо отдать должное нашей промышленности, Госкомитету по ценам, Минфинсоюзному Госотпрому (теперь уже бывшему), руководители мои товарищи, или, по-новому, «дорогие», весьма преуспели.

Видимо, поэтому фельетон «Дрожание от подорожания» (№ 32, 1988 г.) вызвал обильную читательскую почту. Иными словами, речь в материале шла о том, что в следующем году мы с полным правом и чувством законной гордости сможем говорить: «Чего у нас столько нет!» Нет пальто женских — дамских зонтиков и зонтиков по доступной цене! Нет детского трикотаж! Нет доступных пишущих машинок и мини-бульдозеров, нет дешевой швейной и зубной пасты! Дальше говорилось о том, «что если дело так пойдет и дальше, то нашей зарплате как раз будет хватать, чтобы жить в доме повышенной этажности, в квартире удушенной мажорировкой и ходить в форменной спецодежде...» Говорилось кое-что и о предпринятиях, которые стали творить маневровые и жилищные организации, повышая цены под видом улучшения качества продукции, о неуправляемых и даже негустеримруемых инфляционных процессах.

Чтобы хоть именьного порадовать читателей, спешу сообщить: некоторые предприятия, резко взвинтившие цены, получили по рукам. «Обсудив статью журнала № 32 «Дрожание от подорожания», сообщаем, что критика в адрес Новгородского завода имени XIV партсъезда оказалась справедливою — говорится в отаате министерства. Производство завода указано на недопустимость снятия с производства товаров народного потребления, пользующихся массовым спросом у населения, и предложено продолжить их производство в 1989 г. ...»

Увы, эта ложка меда вряд ли подсластит болью детям: все остальные заводы и фабрики, упомянутые в фельетоне не были возможны, видимо, продолжают отаывать предложение дорогим и очень дорогим. Подтверждает тому — письма.

«Колбасу видишь...» сообщает О. Ю. Петрова из поселка Шарташи Целиноградской области. — Но от 6 рублей и выше. Да и та на вкус противная, пересолена, влажная... А в газетке пишут о колбасном изобилии в Целинограде. Да зачем текое изобилие нужно? За такую цену...

Письмо О. Ю. Петровой пронизано горьким пессимизмом. «Какое может быть наше участие», — сетует она, — если нас, простых-то смертных, нигде и никто из «белых» людей слушать не хочет. И главное, жаловаться бесполезно, да и некому... Это мы только в газете читали: где-то кого-то за затылок и махачинки привлекли. А в нашем захудалом райцентре, наверно, так было, так и будет...»

Но наряду с читателями, лишь констатирующими подорожания, прогрессирующую инфляцию и понижение уровня жизни, многие авторы писем пытаются разбить наземное безудержного роста цен.

«...яна кемается», — пишет А. А. Цыпленков из древнего города Касимова. — Я сижу в каком-то кабинете и объясняю почему идет дорожание хлеба. Я работаю на Касимовском хлебокомбинате. Но это такое предприятие — хлебокомбинат! Если разобраться, то окажется, что будет хлебозавод. А комбинат — в административном аппарате. Поэтому пекарни называются заводами, комбинаты — хлебокомбинатами, а в областных городах создаются объединения по производству хлебопродуктов. И вполне по закону растет управленческий аппарат. Число же содержащих, нужны деньги. Все просто...»

Некоторые читатели, одобряя в целом позицию автора фельетона, сетуют, что из поля его зрения выпали кооперативные цены. «Вот, например, в Ленинграде», — делится своими наблюдениями А. П. Советов, — выпьешь стакан чая за 3 копейки и, естественно, идешь в туалет, сам стоишь изгородь человек, развлекает себя транзистором. Ему бы нужно работать в кооперативе по откорму быков, а си пальцем показывает каждому входящему на свое копилку, да написано «10 коп.».

Немало откликов пронизано чувством горечи, стыда, а иногда и полной безысходности. Люди не видят выхода из сложившейся кризисной ситуации, не верят в море, предпринимательские виды, стабилизацию экономики и повышения народного благосостояния. «У нас нет другого выхода, кроме как поднять руки вверх и сдаться на милость Запада», — считает 27-летний житель Курска. — Скажите: ребята, делайте что хотите, назовите это чем хотите, но пусть нам будет так же хорошо, как и вам. Иначе просто несправедливо. Почему мы должны дуться в тисках разгуля, в они — наслаждаться жизнью? (Мим автора намеренно не называю, так как, по его мнению, редакция такие мысли «никогда не опубликует, в письме перешлет компетентным органам».)

Вообще многие читатели считают, что их мнение мало учитывается в таком общественно-государственном вопросе, как политика ценообразования. «...может, провести всенародный референдум», — предлагает молодой экономист из Воронежской области И. А. Глаголев. — по обсуждению этой проблемы!»

Между тем пока читатели негодуют, предлагают и спорят, обращения «дорогой» и «дорогая» потихоньку вытесняются превосходной степенью — «очень дорогой», «супердорогой» и «сверхдорогой». Поэтому, видимо, уместен вопрос, прозвучавший в письме жителя Саратовской области В. П. Коженова и поставленный с непосредственностью детской сказки об Алисе: «Куда же спешит правительство?»

«Если правительство не примет строжайших мер по борьбе с бесхозяйственностью», — пишет товарищ Коженов, — то в скором времени мы обнищаем, наш жизненный уровень покатится вниз. Да он уже и катится...»

На этот крик души нашего читателя, впрочем, поддержанный миллионными безгласно кричащих соотечественников, правительство откликнулось основательным решением. В начале февраля Совмин СССР принял постановление «О мерах по устранению недостатков в сложившейся практике ценообразования».

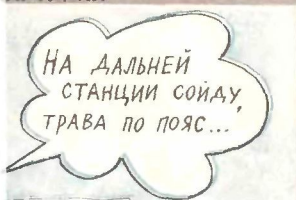
«Работа по совершенствованию ценообразования», — сказано в нем, — должна быть направлена на стимулирование повышения эффективности производства, увеличения выпуска высококачественной продукции, повышения экономического назначения, разнообразия товаров и предоставления услуг, удовлетворяющих спрос населения с разным уровнем доходов». И дальше следуют долгожданные «отменятся», «ваодится», «принято недопустимым».

Итак, все хорошо? Осталось только кричать: «Ура!»? Давайте все же поворемним, не будем впадать в эйфорию. В области цен и доходов требуется многообразное сочетание экономических и административных мер. Постановление Совмина — пока что сугубо административный метод решения проблемы. А экономические рычаги еще ждут Архимеда. Однако представим, что все министры плохих ни заменили на хороших, разогнали агрессию высококачественной продукции, резко сократили ведомства, а сами перешли к работе воплотили, бьем баклуши, забываем козла в рабочем времени и стираем белье в библиотечные деньги. Станет ли наша жизнь краше, затреплет ли полки от новых товаров, будут ли доступные цены? Вопросы, на мой взгляд, не праздные, ибо от Ямала до Куши, от Прибалтики до Камчатки наблюдается состояние устойчивого разгильдяйства.

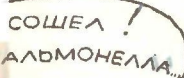
Хочу внести одно забавное предложение: давайте попробуем работать в полную силу? Такая своеобразная модель хозрасчета, на имеющая порядкового номера в экономических кругах. Ух, что будет!

Марк ГРИГОРЬЕВ.

В. ПОЛУХИН

М. ДОМБРОВСКАЯ

И. НОВИКОВ, В. ТИЛЬМАН (УШЕВ)

ТЕАТР ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОЧЕЙ

Окончание. Начало в № 17.

Театр еще был на гастролях, я обдумывал свою будущую работу, и вдруг меня вызвал начальник КВФ, капитан Родионов; у нас состоялась двухчасовая беседа, если, конечно, можно назвать беседой разговор, при котором один сидит, а другой стоит и вынужден выслушивать вот такое:

— Тут до вас был один Лотштейн из Одессы, он тоже сам писал и conferировал, а на одном концерте вдруг сказал: «Дорогие друзья! Начинаем концерт.» А концерт шел для управления. Ну, конечно, я его сразу отправил в карцер, а первым же этапом наладил на ВОРКУТ! Это же надо! Мы — друзья арага народа! И вообще что-то уж больно много смеха на этих концертах! Тут проверки из ГУЛАГа был, а театр как раз выступал на пересылку, он шел по зоне, а из столовой — смех. Он и говорит нашему первому отделу — полковнику Маненкову: «Что-то у вас очень уж весело жевки живут? Вредили, шпионили, страну продавали, а теперь смеетесь! Над кем? Над нами? Какой курорт мы им устроили! Давай, полковник, закручивай гайки!»

Родионов помолчал и сказал:
— Головин уже старый, дитя и болелет часто! Присмотрись и принимай театр, а он будет твоим гонимым.
— А вы с ним говорите, гражданин начальник?
— С кем? Надо будет, судья пойдет обобрать и там пусть свои арии поет! Записки наше дапо — приказывать, лишь — исполнять? Ясно?

То, кто побывал в сталинских лагерях (а таких миллионы), хорошо знают, что такое «продурка»: «мы работаем, обобщили всех «зек», кто не кляввался на чаше работ, не забился на лесоповале, в шахтах, на строительстве, а оказался в конторах, на складах, в канцелях, хлебопекарнях, на кухне, на разных должностях в зоне... Иногда это название — «продурка» — имело презрительный смысл, иногда обвинительный, а часто кастрирующий. Все зависело от того, как вел себя по отношению к «работагам» сам «продурок».

Не буди скрывать, этим словом называли и нас, работавших в лагерьном театре, но с чистой душой могу свидетельствовать, что по отношению к нам оно не имело обидного смысла. Театр в лагере и любил, и берегли. Был бы не прав, если бы не сказал, что и у многих из нас возникали душевные сомнения: вправде ли мы жить чуть лучше, чуть свободнее, чуть сытнее, чем все остальные в лагере? Эти сомнения посещали нас. Тогда мы не могли на них дать исчерпывающий ответ — теперь я постараюсь это сделать. Да, мук финансов у работников театра было, конечно, меньше, чем у работяг, надрывающихся на непомерных дневных заданиях, занятых истинно рабским трудом. Но вот муки нравственные были у нас, пожалуй, во сто крат сильнее. Почему? А потому, что, находясь два-три часа на сцене (или даже на репетициях), живя жизнью своих персонажей в спектаклях, пением, музыкой, танцами, мы на короткое время забывали о том, где мы, что с нами случилось, в каком аду идет и, возможно, пройдет вся остав-

шаяся жизнь! Но кончался спектакль, концерт, мы спускались со сцены и снова попадали в тот всеобщий ад лагерной жизни. И вот этот ежедневный переход из выдуманной жизни — в реальную был страшен, сводил с ума.

Какие бы самые высокие слова я не сказал здесь, о том, что значил приход театра для «зек» — приход раз в год, года — все равно я не смогу передать это чувство праздника, это ощущение запаха далекой воли, где остались семья, любимая работа, друзья, застолья, музыка, концерты, на которые ходили и семьями, и коллективно — «с работы».

А мы, играя в театре и думая о своей миссии, считали, что лучше зажечь маленькую свечку, чем просто проклинать большую тьму. Так мы и делали — наша свеча горела для тысяч и тысяч бед вины виноватых людей.

В театре было около 80 человек вместе с цехами, костюмерной, портняжничкой, сапожной. Работала оперно-опереточная группа, которая ставила в концертном исполнении «Евгения Онегина», «Мазепу» (в главных ролях выступали Головин, Чернова из Одесского театра, музландский тенор Стрельцов). Танцевали прекрасные балерины из Вильнюса. (Они один вечер погуляли в ресторане с заезжикими американцами, что-то ответили на вопрос о зарплате советской балерины и отправились обдумывать свой ответ на десять лет на Урал. Статуя у них была... шпионаж! Боже мой, какие государственные секреты могли сообщить иностранцам эти балерины?! В хоронящийся толпили Плява, Понявская и ее подруги — с великой лирики кордебалета Литовского театра — был полный сумбур, они не понимали, что с ними случилось. Они плакали день и ночь, успокаиваясь только на репетициях и концертах — тут сбрасывали профессионализм, теоретическая дисциплина, привитая им в хореографическом училище.)

Музыканты оркестра театра, которыми руководил А. Варламов, позже — А. Хмелевич, а еще позже — Г. Артухов, прибыли в лагерь, можно сказать, из всей страны. Ядро оркестра составляли музыканты с причудливой военной судьбой: они были призваны в первые же дни войны, попали в музыкальный взвод одной дивизии, побыли на передовой месяц два и где-то в Белоруссии угодили в плен... Музыцировали они в тыловых частях, снова плен, на этот раз американский, и, наконец, передача — всех — нашим частям. А здесь — трибунал, по 15 лет каждому — и в Иердельгау.

Драматические артисты были тоже отослову, многие из Мінска: не успев уйти от стремительного наступления фашистских войск, они в голодную зиму 1941 года вынуждены были открыть театр, и это после возвращения наших привело их в лагерь.

Были в театре и экстрадные певички, иллюзионисты, акробаты, словом, состав многожанровый.
Что мы играли? Официальным путем получали пьесы и ноты из ГУЛАГа, но, как правило, использовать присылаемое было трудно: уж очень много-

го качества были эти творения совсем неизвестных авторов. Доставали репертуар «с воли» — с помощью родных, тех из нас, кто имел право переписки и получал посылки. Драматическая группа играла классику и под названием начальства такие описки, как детектив «Обошник в перулке» Л. Шейнина и братьев Тур, «Старую дачу» Ягнера и т. д. Об оперно-опереточной группе я уже писал. Концертная же группа имела репертуар весьма обширный: оркестр играл фантазии на темы песен советских композиторов, антракт из оперы Кармен или увертюры Глинки, Штрауса; солисты исполняли арии, романсы, песни, хореографические номера были самые различные — от классики до ритмических танцев. В концертах всегда было много художественного слова. Так, с огромным успехом читал «Русский характер» Алексея Толстого капитан второго ранга Александр Васильевич Дмитриев — единственный непрофессионал в театре: старый петербуржец, участник дореволюционных любительских кружков, он мог дать сто очков вперед любому профессионалу в исполнении ролей куццов в комедиях Островского, острохарактерных ролей в пьесах Чехова.

Не меньший успех, но, конечно, другого характера, имел и фальштон «Гостиница «Москва». Как, возможно, помнит читатель, в этом фельетоне был дан автором — Владимиром Поляковым — некий социальный срез нашей страны, с ее многомиллионным населением, состоящим из ста национальностей и широтности. Куди и фантастичные «возможности» «созвездия» — образы украинца, грузина, белоруса, молдаванина, латыша, в зале просто вскрикивали от радости узнавания родного говора, родных мест... Думаю, что нигде «на воле» фельетон не имел такого звучания — он был здесь как живой привес с Родины, покинутой не по своей воле, а оттого еще более желанной.

Чудовный минский артист Лева Михайлов исполнял этот фальштон в Полякова из репертуара Аркадия Райкина.

Много лет спустя, после XX съезда, в начале моей работы в эстрадной драматургии, я рассказывал Володе Полякову, как его творение звучало в уральских лагерях и какой имело там успех. Поляков очень расчувствовался и потащил меня рассказать об этом Райкину... Я сказал, что самым трудным было для нашего артиста уйти от интонации Райкина, что ему это удалось — он читал фельетон как рассказ очевидца событий в столице...

— А как принимали зрители? — допытывался Райкин.

— Отлично! Даже самые грубые чувшие душой — блатные — чувствовали ту мелодию времени, что звучала в фельетоне.

— Боже мой! Боже мой! Какое несчастье, каков злодейство, — вдруг сказал Райкин.

— Вот уж действительно «смех сквозь невидимые миру слезы!» — добавил Поляков.

КЛОУНАДА С ХОЗРАСЧЕТОМ

Автор шел на встречу с человеком, который по внешнему понятию и есть тот самый чиновник-бюрократ.

Союзосцирк — мраморные лестницы, красная ковровая дорожка, люстры... Вроде где-то здесь. Но на встречу из-за стола поднимается печальный человек, в голосе которого звучит горечь несправедливой обиды:

— Вы, видно, считаете нас бюрократами? А ведь мы-то раньше все и больше всех — ЗА!

И далее следует весьма убедительный рассказ, что руководство Союзосцирка слышит отцы родные для артистов.

Стуаешь — да, действительно, какой же он, к черту, бюрократ, раз только и думает, чем бы еще артиста порадовать?

В результате совершенно загадочная ситуация: бюрократ в Союзосцирке никак не слышешь, а вот так называемого «процесса торможения» — сколько угодно!

Два с половиной года назад наш знаменитый клоун Юрий Куклачев пришел в Союзосцирк с идеей создания хозрасчетного циркового коллектива. К идее хозрасчета руководство отнеслось тогда, как к предложению зайти в клетку к одному тигру и почесать его за ухом. Словом, чтоб получить у Союзосцирка разрешение на этот естественный в нашу эпоху эксперимент, Куклачев вынужден был лично встретиться с министром культуры. Всего только восемь вариантов Положения о хозрасчетном коллективе пришлось ему предлагать Союзосцирку, но вот наконец оно было утверждено.

— Пожалуйста, Юрий Дмитриевич, — сказал артисту руководство, — если уж вы так настаиваете...

И открыли коллективу спонсера, куда следовало складывать заработанную прибыль.

Одного только Куклачеву не разрешили — самостоятельно распоряжаться этими заработанными деньгами. Поскольку такое право оказалось не предусмотренным рядом действующих в Союзосцирке еще с незапамятных времен инструкций и распоряжений.

Прогорев с идеей хозрасчета, Куклачев в прошлом году регистрирует при Кунцевском райисполкоме кооператив «Цирк», который вскоре, когда отыскался надежный зарубежный партнер, становится совместным советско-французским предприятием «Цирк-Европа». Наученный горьким опытом, артист сначала зарегистрировал предприятие в соответствии с инструкциями, а потом уже обратился в Союзосцирк с предложением о сотрудничестве.

Поступив так, Куклачев уже не ставил Союзосцирк перед дилеммой: разрешить — запретить. Предприятие уже существовало.

— Ах, разрешать уже не надо? — заинтересовались в Союзосцирке. — Ну, тогда, естественно, следует запретить!

Эта идея о запрете была очень благожелательно встречена в Министерстве культуры СССР, откуда в Кунцевский исполком проследовала бумага за подписью начальника Управления музучреждений Московской области: запретить кооперативу концертную деятельность! Что там еще в Уставе кооператива? Ах, изготовление разных сувениров и затрещив с лицом знаменитого клоуна? Это пожалуйста! Пусть Куклачев в виде символических матрешек путешествует по всему миру. Но чтоб сам артист сделал хоть шаг без разрешения Союзосцирка — это категорически нет! Один артист захочет самостоятельно распоряжаться своей

судьбой, за ним второй, третий... Что же тогда останется от Союзосцирка?!

— Уж больно хитрый вы, Юрий Дмитриевич, — заявил Куклачеву руководство. — Хотите, чтоб только 70 артистов вашего коллектива жили хорошо? А остальные? Нет, давайте уж лучше будем жить плохо, зато все вместе, не разбегаясь.

Действительно, в задачу Куклачева входило сделать всем артистам своего коллектива хорошо. Всем буквально, причем сразу.

Во-первых, решился вопрос об ставках артистов. Пока они молоты и выхлопны, в наилучших физических кондициях, то получают 100—120 рублей, му, 150. С высоткой лет, понятно, больше. Но с обретением опыта, мастерства и артистизма заметно снижаются физические возможности артиста. Потому самые рискованные для жизни трюки выполняют в основном «столбурихи». А по технико-экономическим обоснованиям выходило, что артисты Куклачева смогут получать в несколько раз больше. В частности, еще и потому, что у него 70 артистов будут кормить только трех администраторов коллектива — соотношение, которого немаленько добиться в Союзосцирке!

Во-вторых, в коллективе Куклачева собираются покончить с той ситуацией в оплате работы артистов цирка за рубежом, которая есть позор и унижение достоинства граждан великой державы. Потому что фактически оплаты их работы нет вообще — есть суточные. Которых порой не хватает на нормальное трехразовое питание даже пенсионеру, числящему за физическую нагрузку поливание цветов. Но какой сумасшедший станет суточные продавать?! Всем известно, что наши циркачи едут за границу с солидным запасом тушенки, сухой колбасы и с электроприборами — чтоб варить супы из концентратов ПО «Колос». Так едут и рабочие по уходу за животными, и народные артисты — потому что суточные для всех одинаки! Как государственное предприятие, Союзосцирк тут ничего не вправе изменить. А Куклачев — собирается непременно.

Весьма симпатична и идея Куклачева зарабатывать для государства больше валюты. Идея создания совместного предприятия родилась у него во время гастролей во Франции.

— Прибегает ко мне наш французский партнер, — рассказывает Куклачев. — Юра, говорит, я продал вас телевидению за 4 миллиона франков! Обращаю: в наше посольство — есть такой весьма прибыльный коммерческий вариант! А мне говорит: через своего партнера Союзосцирк вас уже продал телевидению — за 185 тысяч франков!

Как пояснили автору в Союзосцирке, партнер главка хот и не предлагает миллиона, зато подкупает своими симпатиями к нашей стране. Ну ладно, общность взглядов, идейная близость. В таком случае можно, наверное, уступить партнеру советский цирк за полцены. Но ведь тут меньше

чем за одну двадцатую его рыночной стоимости!..

Кстати, непосредственно Союзосцирку Куклачев сулит солидные выгоды — только за то, чтоб тот согласился отдать артистов для работы в кооперативе, знаменитый клоун предлагает ежегодно перечислять Союзосцирку 200 тысяч рублей, а также по 10 тысяч долларов за каждый месяц зарубежных гастролей.

В планах Куклачева также строительство летнего цирка, создание циркового музея (чего Союзосцирк за все время своего существования так и не успевалось сделать), школы клоунов... А также собирается перечислить деньги на строительство детской больницы, закупить одноразовые шприцы и т.д. и т.п.

Но, не вникая в соблазнительные экономические выкладки, артиста сразу одернули:

— Что за самостоятельность? Почему вышли на контакт с заграницей, минуя Союзосцирк?

И пока Куклачев, борясь за свое предприятие, бежал по различным инстанциям, его артисты стали усиленно обрабатывать, предлагая одним самые роскошные зарубежные гастроли, другим — высокие ставки, третьим — звания...

А кроме того, Союзосцирк начал договариваться с зарубежным импрерио об организации параллельных с коллективом Куклачева гастролей — в том же месте и в те же сроки. На привычных для партнера условиях — все самое лучшее и почти даром!.. Лишь бы сорвать поездку своему конкуренту-соотечественнику!

Итак, артист предлагает Союзосцирку то, что ничто как экономическим сотрудничеством не назовешь. Ему же на это — категорический отказ и объявление войны.

Мотивы? Пожалуйста: затем Куклачев — блеф, все митом приторит, за этикет никаких серьезных экономических расчетов.

Экономическая сторона деятельности Союзосцирка — тема отдельной статьи. Мы же только заметим, что необходимость перенесения выдумки Куклачева. Везд с 1 января объединение перешло на хозрасчет — пока этот переход отражен только в соответствующем приказе. Отчего бы для начала не опробовать новые методы хозяйствования на примере предприятия Куклачева? Ведь прежде чем его зарегистрировал Минфин, оно прошло через односторонние комиссий. И даже кусь в намерениях и планах предприятия вкралась ошибка — все равно оно даст полезный опыт и пищу для размышлений. Разве кто-то уже придумал способ, чтоб делать новое дело без проб и ошибок?

Мотивы второй. В Союзосцирке считают: аренда, хозрасчет, кооператив, совместное предприятие — это для артистов только модные лозунги, которые никто из них толком не понимает. Размахивая их, на самом деле в голове держат только одно: по-чаще ездить за рубеж и побольше получать денег. Ставки и заграница — вот все, что волнует сегодня цирковых артистов.

Вот такие рассуждения, направленные на то, чтобы удержать в своих руках монополию. Чтобы владеть цирковым искусством без конкурентов. Оттого, кстати сказать, и пхонет идея Союза цирковых деятелей — общественной организации, которая могла бы отстаивать перед администрацией интересы артистов. Потому и объявлена война Куклачеву, что рядом с Союзосцирком не возросло никакой новой системы организации труда артистов

цирка. Чтоб не было с чем сравнивать нынешнюю систему.

Впрочем, сегодня Союзосцирк все-таки пошел на сотрудничество с предприятием Куклачева — подписал такой договор. Под определенным, честно говоря, названием. Ведь у Куклачева было уже больше четырехсот заявлений от артистов с просьбой принять их в коллектив. Да и на партсобрании, где встал вопрос о Куклачеве, он получил солидную поддержку ведущих артистов. Вот с каким скрипом пробивает себе дорогу в Союзосцирке идея хозрасчета и аренды, организации кооперативов и совместных предприятий.

Итак, эксперимент Куклачева вроде бы стал историей со счастливым концом, и вроде бы уже отсутствует повод для критической публикации. Если бы не очевидное «но».

— Да, договор у нас подписан, — рассказывает сегодня артист. — Но теперь явдт Союзосцирк запрашивает немаленькую аренду за аттракцион передешедшего в наш коллектив дрессировщика Фетютова. Начальник отдела формирования Прокофьев потребовал, чтобы В.Шемцур, который тоже собирается работать с нами, непременно ехал на гастроль в Киев. Артист подписывался и прибыл туда с животными в режиссизом — выяснилось, что его там не ждали, зверей не поставили на довольствие. В итоге у артиста вынужденный простой, и он кормит животных на свои деньги, пока из Союзосцирка идет соответствующая телеграмма. А в довершение всего родное объединение тинет с нашими характеристиками для поездки за рубеж — не отказывает, но и не дает. Далее, в жилищбанк Кунцевского района последовал звонок с требованием закрыть нам кредит. Якобы мы плохие — оторвали у кунцевских детичек помещения (это где мы для них открыли видеотек и зал с компьютерными играми!), и вообще — может, еще их в какие зарубежные гастроль не поведем. А если и поведем, то наверняка плохо себя там поведем... Словом, вот уже три месяца бегает по кабинетам, доказывая, споря, убеждая... Если раньше в Союзосцирке само твердо говорили «нет», то теперь сочувственно улыбаются, благожелательно хлопают по плечу и... душат. Столь же твердо, но более элегантно. Министерство культуры СССР хладнокровно следует за развитием событий: чья возьмет? Сам же министр культуры В.Захаров, согласившись на заявку, принять меня отказался...

Когда Куклачев рассказывал о своем кооперативе на партсобрании Союзосцирка, то весьма значительное число артистов выступило в его поддержку. И при этом не преминуло серьезно покритиковать вообще пролетающую в объединении систему взаимоотношений артистов и администрации, систему, которую вынот так горячо защищот генеральный директор Союзосцирка Г. Андрощенко, а также его заместители П. Севастьянов, В. Котик, Т. Асговская.

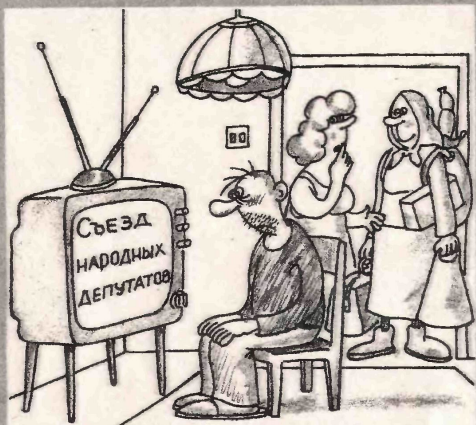
Действительно, ведь именно на них ложит ответственность, что и в сегодняшние времена Союзосцирк продолжает крепко держаться за монополию, централизацию, за абсолютную власть администрации и бесправие артиста. А ежели артист требует аренды, хозрасчета и возможности напрямую договариваться с зарубежными партнерами, просит свободы, участия в управлении цирковыми делами, то... Тут отцы родные стараются свернуть его шую.

Именно отцы: ведь и Иван Грозный в свое время круто обошелся со своим сыном...

СЪЕЗД НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ: УЛЫБКИ, УЛЫБКИ, УЛЫБКИ...

Л. НАСИРОВ, В. ЛУГОВКИН (тема).

В. ЛУГОВКИН.

В. МОХОВ, В. ЛУГОВКИН (тема).

В. МОЧАЛОВ, В. ЛУГОВКИН (тема).

Ю. ЧЕРНИЧЕНКО Э. ШЕНГЕЛАЯ Ч. АЙТМАТОВ И ДРУЗЬЕ Ю. КАРЯКИН МИТРОПОЛИТ ПИТИРИМ Е. ЕВТУШЕНКО

Б. ЕЛЬЦИН П. БУНИЧ Г. ПОЛОВ Б. ОЛЕЙНИК В. БЕЛОВ А. ОБОЛЕНСКИЙ А. КАЗАННИК

Дружеские шаржи И. ЛОСОСИНОВА и В. МОЧАЛОВА.

ТЕАТР ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ

Но вернемся в... зону. Административно-командный метод руководства искусством там, в лагерях, принимал самые уродливые, а подчас и опасные формы. Однажды кто-то из наших певцов получил «с воли» песню Тихона Хренникова с сельской учительницей. Не могу вспомнить название. Это была мелодичная песенка о том, как в далекой заснеженной деревушке зимним вечером грустит у окна молодая сельская учительница — она вспоминает огни большого города, где училась, где остались друзья и любовь... Песня как песня, должна была иметь успех, но, увы, получился «политический скандал»! Кто-то из лагерного МГБ, услышав на репетиции эту песню, поднял шум. Битый час начальник первого отряда полковник Маненков орал на меня, что советская учительница не может грустить, живя под солнцем сталинской Конституции... Уже принесли «дело» исполнительницы песни Аллы Александровой — певицы из Брянской филармонии, уже оперуполномоченный, отвечающий за театр, прислал какое-то постановление... Я говорил, что песня написана депутатом Верховного Совета Хренниковым, но как на грех у нас был не печатный экземпляр нот, а переписанный от руки. Это вызвало новый поток обвинений:

— Фальшивку исполняете! Нашего советского композитора, депутата товарища Хренникова хотите обогатить! — орал полковник, и вдруг (ну есть же все-таки бог!) в комнату вошла зав. парткабинетом, жена начальницы лагеря Белякова и с ходу подтвердила, что слышала эту песенку в Свердловске в клубе МВД в исполнении какой-то московской гастролерши.

— Отправляйтесь в зону! Вам сообщат решение!

Никто никогда в этом больше не вспоминал. А не войди в этот момент в комнату зав. парткабинетом, не миновать бы павшие общие работ, да и кто знает, на кого бы еще обрушился гнев начальства...

Был случай и потяжелее: как-то в одном из концертов нам по сценарию нужна была «Песня о Родине» Исаака Дунаевского. Мы с Головиным решили, что запеть эту песню будет наш чудесный тенор Иван Стрельцов.

— Петя не буди! — твердо заявил Иван.

— Почему? — спросил я.

— А потому, что там есть строчка: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек...» — ответил Стрельцов.

Я вольноно — о, проклятая лагерная привычка! — оглянулся на двери: она была приоткрыта, значит, кто-то мог все услышать! Вообще-то «стучаки» в театре не задерживались, их распознавали быстро и находили способ «списать» из театра. Но дня за три до этого разговора с пересылки прибыли четверо новеньких: художник, оперный певец, скрипач и танцор. Еще там, на пересылке, старик скрипач сказал мне:

— Вы поосторожнее с этим Ахметом-танцором, он еще в казанской тюрьме все к «оперу» бегал!

Я выгнул за дверь, и у меня екнуло сердце — Ахмет крутился возле двери. Вечером меня вызвали в первый отдел. Ожидая этого вызова, мы с Головиным прочитали все варианты, и старик придумал гениальную вещь:

— Надо забить им голову музыкальными терминами и доказать, что Стрельцов не то чтобы не хотел петь эту строчку, а НЕ МОГ — по голосовым данным! Слава богу, начальство у нас малограмотное, и, возможно, что-то получится. А другого выхода нет, — сказал Головин.

Еще чуть-чуть нас успокаивало то, что Стрельцов шлн не по 58-й статье, как все мы, а по военной: он на сборах утопил где-то в болоте танк.

Разговор был не просто тяжелый.

Он очень напоминая допрос во внутренней тюрьме, разве что не били... Я твердо стоял на своем — сыпал терминами «тиссетура», «бельканто», «модуляция», «музыкальная фраза», нес несусветную чушь, доказывая, что для лирического тенора Стрельцова петь эту строчку просто невозможно!

— А что Головин говорит? — спросил начальник.

— А он считает, что Стрельцов может сорвать голос на этой строчке.

— А почему мы не срываем, когда поем на собраниях? — подозрительно спросил полковник.

— Ну, вы же просто поете, гражданин начальник, а тут сцена — свои законы.

Я бегом побежал в зону, мы успели проинструктировать Стрельцова и только молили бога, чтобы полковник не проконсультировался у кого-нибудь из грамотных людей в Управлении. Но все обошлось! Полковник долго вникал Стрельцову, чтобы он был... побдительнее: эти «враги народа» могут нарочно лишить его голоса, а талант принадлежит не ему, а народу, партии, и его надо беречь!

Боже мой! В таком темном лесу проходили годы нашей жизни!

Читателя, конечно, интересует, а что же было с тем, кто «доложил», или, как говорили в лагере, «заложил» Стрельцова? Разведка доложила точно, что новенький бегал в зоне к «оперу» — по-блатному, к «куму». Будучи уверенным в своей «победе», он даже спросил у Стрельцова, не дует ли от дверей на его месте? Присматривал для себя койку Ивана.

Сразу рассчитаться с ним мы не могли, списать его из театра тоже было невозможно, — он же еще ни разу даже не выходил на сцену! Мы решили дождаться первых гастролей. И вот на Талице, по просьбе нашего Арамана Назаряна — отличного саксофониста и человека, умевшего поддерживать разговор с «врагами в законе» и «палаками» блатных, — Ахметов вернулся в какую-то драку, и дальше продолжал «гастролить» в зоне, уже не мог — его оставили в зоне, сообщив начальству о несчастном случае... Понимаю, с точки зрения человеческой морали, это ужасно — нельзя со злом бороться злом, но были ли у нас в тех условиях другие возможности?

В наших концертах я конферировал. О чем был конферанс? Местных, лагерных, тем я старался не касаться. Почему? Очень это были болезненные темы, а излишняя критика в адрес какого-нибудь «зека» могла привести к самым непредсказуемым последствиям. Это было опасно. Так о чем же я говорил с эстрады? Конферанс носил внутриконцертный характер. Я говорил о жанрах (песни, танцы, драма, опера), и это имело просветительский оттенок. Для «вольных» зрителей я этим и ограничивался, но иногда для «зек» можно было позволить себе отвечать на вопросы из зала, на шутки, иногда весьма соленые, парировать подковырки зрителей... Успехом пользовались самые неожиданные, казалось бы, совсем непризательные репризы. Не было в лагере больших лодырей, «кантованных» без дела, опухших от сна, чем пожарные. Все знали, что они, как правило, были ставленниками «кума» — лагерного опера, так что жалеть их не приходилось. И вот однажды на концерте, когда подходило время к антракту, я спросил зрителей:

— Пожарник есть в зале?

Вокруг зашумели: «Здесь он! Двадцать пятый час сон «давит!» Пожарника растолкали, он, ничего не понимая, вышел к сцене...

— Ты пожарник? — спросил я.

— Ну, я, а в чем дело? Горит у вас что?

— Объяви, пожалуйста, антракт, все равно тебе делать нечего!

Восторгу зрителей не было предела! Все-таки хоть малость была восстановлена справедливость: «Мы выкалываем на лесоповале до седьмого пота, а этот «сексот» тут отсыпается за нас!» Ко мне подошли «зеки», благодарили: «местный материал» сработал! В «местных» части конферанса я старался рассказывать о Пушкине, Чайковском, Шопене, Моцарте (исполнял его «Турецкий марш»), о Толстом, Чехове и т. д. Эта моя просветительская деятельность имела совершенно неожиданное продолжение: как-то меня вызвал Родионов и велел идти в парткабинет к его заведующей. Я пришел и получил приказ прочесть для административно-командного состава лагеря несколько лекций о современной литературе и искусстве. И я — «враг народа» — читал эти лекции! Каждый понедельник по три часа я стоял на трибуне в парткабинете и рассказывал им (по памяти, конечно) о новинках литературы, спектаклях... больше всего опасаясь забиться и назвать их «товарищами» и «друзьями».

Во время концертов и спектаклей для вольных меня, а ранее Головина часто вызывали в ложу, где сидело высшее лагерное начальство с женами. Помню первый такой вызов: я только что начал конферировать в концертах, был для всего начальства человеком новым (впрочем, это преувеличение: людьми мы для них не были никогда), и в антракте начальник театра прибежал за мной:

— В ложу — требую!

Я вошел в ложу и остановился. Не знал, надо ли мне (имею ли я право) здороваться с вольными? Полез в карман за платком, и у меня выпала на пол единственная сохранившаяся полвека вещь «шмонов» на пересылках, после всех этапов фотокамерки моего четверохлестного сына. Кто-то проворно поднял карточку и передал ее — не мне, а начальнику лагеря Белякову. Карточка пошла гулять по рукам, на ней был изображен мой сыночек, улыбающийся, нарядно одетый, сфотографированный в знаменитом ателе в Художественном проезд, возле МХАТа...

От такого ребенка мы поехали в лагерь — вдруг услышал я голос Белякова. По всем лагерным законам надо бы промолчать, но я не смог — уж очень чудовищно это прозвучало:

— Я не сам поехал, гражданин начальник, меня повезли!

— За что он сидит? — обратился начальник к кому-то.

— 58 — 10, — ответил тот.

— Ладно, идите, мы подумаем, — сказал генерал.

Я ушел, совершенно не понимая, о чем они собираются думать. Выяснилось это месяца через три, когда меня вызвали на вахту и вручили... пропуск на вольное передвижение в пределах лагеря — это километров шестьдесят в округности. Пропуск выдали, как сказал начальник режима, «по производственной необходимости, а то бы черта с два с 58-й ты его получил!»

Много лет спустя, во время концерта в Олимпийской деревне «За кулисами смеха» — авторского вечера, который я обычно веду, — в антракте ко мне за кулисы пришли мужчина и женщина. Он молчал, а она спрашивала:

— Вы нас не помните? Это же Беляков, я его жена — из Ивделя мы! Помните?

Я все помнил, но о чем я мог с ними говорить?

И вдруг он сказал:

— Мы знали, что вы зря сидите, но такое время было... такое время!

Она сообщила:

— А мы живем в Серове — оба на пенсии... Я там вашу книгу купила. Ох, знаешь бы, что встретится... привезла бы... автограф бы написали...

Боже мой! Какой я мог автограф им оставить?

ОСТОРОЖНО: ВИЛЫ!

Если кто не в курсе, скажем: вилы, которыми Крокодил прокалывает кое-кому бока, как ни крути, принадлежат к холодному оружию. Пользоваться ими надо осторожно. Мы, во всяком случае, прежде чем пустить их в ход, тщательно взвешиваем все «за» и «против», а уж выслушиваем мнение «провинившихся» обязательно. Вдруг он да защитит свой несчастный бок?

Но в «Челябинском рабочем» этой аксиомой решили пренебречь. Взяли и напечатали фельетон «Вилы в бок... «Крокодилу». Да-да, именно нам. Непосредственно.

Как себя чувствует Крокодил с вилами в боку? Честно говорим: плохо. Больно. Тем более что рана нанесена незасушенно.

Речь идет вот о чем. Челябинское общество книголюбов не без помпы распространило среди читателей города весть о приезде с литературным вечером представителя нашей редакции. На афишах перечислились известные имена. Тут же началось торговля билетами — каждый по два с полтиной... Каково же было недоумение читателей (зрителей), собравшихся в зале, когда на сцену вышли другие московские писатели-юмористы — ничуть не хуже заявленных, но совсем не те, что были указаны в афише... Нехорошо? Да, нехорошо. Одна-

ко... Однако существуют некоторые нюансы. Городское общество книголюбов действительно обратилось в «Крокодил» с просьбой помочь в организации выезда группы московских сатириков в Челябинск. Мы пошли навстречу. Но! Ни разу и нигде не фигурировало, что это будет бригада именно крокодилы, что это будет встреча непременно с представителями редакции. Так что заявляем со всей ответственностью: общая марка «Крокодила» на афишах — чистой воды «самодельность» челябинских администраторов. А поскольку первый разговор о поездке проходил в феврале, то до апреля, когда намечался визит москвичей в Челябинск, планы у предвзвешенно давших свое согласие писателей и художников, к сожалению, изменились: один оказался членом международного жюри биеннале на Кубе, другой вылетел в срочную командировку на Камчатку, третий взял творческий отпуск, а четвертый приболел... Срочно пришлось искать замену. Однако челябинские организаторы вечера не информировали об этом общественность (мы сообщили о новых именах за 10 дней до концерта), не изменились, не внесли соответствующие поправки в афишу. (Кстати, непомерно высокую стоимость билетов устанавливали также не в «Крокодиле»...)

Так что простите, уважаемые товарищи из «Челябинского рабочего», свои вилы вы воткнули явно не в тот бок. Думается, этого досадного недоразумения можно было вполне избежать, потрудись сотрудничать, готовившие фельетон к печати, сняв телефонную трубочку и набрав любой из номеров, указанных в нашем журнале. Междугородный телефон, строго говоря, для подобных целей и предназначен.

Давайте же, коллеги, более ответственно подходить к своим критическим публикациям. Именно потому, что на дворе гласность.

В «Крокодиле» № 5 за 1988 год бы и опубликованы мои заметки о «большой биржевой лихорадке» октября 1987 года, которую мне довелось наблюдать с командного поста крупной американской торговой компании из Чикаго. Тогда же я представил читателям журнала руководителя этой компании, моего друга Джо.

Описав мастерские маневры Джо во время финансового шторма, я добавил, что мой друг видит свой долг в том, чтобы как-то помочь процессу разрядки и разоружения, объединяющему две величайшие державы. Движимый этим стремлением, он посетил Вашингтон и Москву, убедился в том, что администрация Рейгана недооценивает серьезность намерений Горбачева и важность его предложений, и предпринял ряд шагов для исправления этой ошибки. В частности, он недвусмысленно продемонстрировал свою готовность внести свой личный вклад в перестройку, создав совместное предприятие с советскими партнерами в области информатики и производства компьютеров.

Новое совместное предприятие, которое я в свое время охарактеризовал как «весьма многообещающее», получило подходящее название «Диалог» и вскоре без особого напряжения заняло ведущее место на советском рынке персональных компьютеров, пока, правда, только формирующееся.

Партнерами Джо являются организации с весьма высокой репутацией: КаиАЗ, МГУ, Институт космических исследований и Центральный экономико-математический институт АН СССР, ВДНХ, «Высштехника»... Проблема заключалась изначально вот в чем: прежде чем заводить какой-то разговор о производстве математического обеспечения или уповая на компьютеров, указанным партнерам нужно было самим обзавестись компьютерами, однако они не располагали требуемым количеством конвертируемой валюты. Джо решил эту проблему очень просто: он перевел на счет совместного предприятия пять миллионов долларов.

Каковы результаты эксперимента спустя год после его начала?

«Диалог» превратился в фирму с 50 сотрудниками в своей московской штаб-квартире и еще примерно 600 служащими, преимущественно программистами, сотрудничающими с 10 филиалами предприятия в крупнейших промышленных центрах Советского Союза. «Диалог» получил немалый доход — более 100 миллионов рублей, которые вложил в различные отрасли экономики. Снял большой дом неподалеку от Московской кольцевой автодороги, который сотрудники именуют «Белым домом». Предприятие выглядит удачливым, процветающим, покровительствует науке и искусству, может считаться образцом добросовестности.

Янис НИКОЛОПУЛОС, греческий журналист

МОЙ ДРУГ ДЖО — ГОД СЛУСТЯ

Сценки из жизни совместного предприятия

Никаких проблем? Да как вам сказать... Сколько компьютеров получила советская экономика благодаря усилиям «Диалога» за первый год его деятельности? Ответ: 3600.

Второй вопрос. Сколько залпанировано на второй год? Ответ: 6000—8000. Наконец: в каком количестве компьютеров срочно нуждается советская экономика? Ответ: примерно в 50 000 000.

Таким образом, нынешний вклад «Диалога» можно считать каплей, а вас принято говорить — в море. По-английски эта идиома выглядит скриннее: «в ведре». Давайте, однако, приглядимся повнимательнее к этой капле, чтобы по крайней мере установить, та ли это капля, хотим ли мы, чтобы именно такие капли пополняли «ведра» советской экономики.

Будучи тесно связанным с деятельностью «Диалога», я хотел бы предложить вниманию читателей несколько сценок из повседневной жизни совместного предприятия.

Дом союзов. Колонный зал. С тысячу советских менеджеров важно сидят и сосредоточенно слушают английского баритона, меченый немецким акцентом, перемежающийся русским басом. Все это усилено микрофонами, которые заставляют трепетать сверкающие подвески многочисленных роскошных люстр. Атмосфера торжественно-казенная, хоть показывая по телевизору.

Это — на поверхности. А содержание? Оно на сто процентов западное и жестко коммерческое. Идет семинар фирмы «Микрософт», первого в мире производителя математического обеспечения для персональных компьютеров. Это, короче говоря, реклама.

Может быть, наступит день, когда советская публика сможет воспринять рекламу без стыдливого прикрытия. Такой семинар — вроде рекламы в парадже.

Впрочем, главное, конечно, не в этом. А в том, что совместное предприятие «Диалог» сумело организовать представительство фирмы «Микрософт» в Советском Союзе. А это, надо сказать, была задача не из лег-

ких. Немцы, которые заводят европейским филиалом «Микрософта», долгое время не верили в возможности советского рынка как такового. Они были убеждены, что советские потребители скорее украдут иностранное матобеспечение путем нелегального копирования, чем согласятся покупать его за деньги. «Диалог» сумел доказать обратное.

Петр Эрелов, генеральный директор «Диалога», приложил руку к созданию современного советского законодательства об авторских правах. Коммерческий «копират» уже стал действенной силой на советском рынке. Главный аргумент Эрелова для покупателя: легче и даже дешевле легальным образом приобрести хорошее матобеспечение, подкрепленное надлежащим сервисом крупной специализированной фирмы, чем заниматься самодельностью.

Западные немцы из «Микрософта» и их американские руководители тогда и согласились открыть при «Диалоге» московский информационный центр своей фирмы и одновременно передать «Диалогу» по лицензии знаменитую основную программу для персональных компьютеров «MS-DOS». Это обстоятельство можно считать вехой советской управленческой перестройки. Какой размах приобретет сие начинание — зависит от «Диалога».

«Диалог» вообще из тех совместных предприятий, которые служат каналами для внедрения в советскую экономику лучших методологических достижений современного западного бизнеса. В области кадровой политики, например, тут придерживаются опыта своего американского партнера, чикагской фирмы CRT-MPI. Опыт этот отражает философия президента CRT, являющегося также председателем правления СП «Диалог», Джозефа Ритчи. Она основана на следующей революционной аксиоме: добрый человек в коллективе нередко более ценен, чем хороший специалист. «Диалог» усердно, хотя и не без перегибов, старается держаться этой линии. Правда, здесь можно отметить некоторые странности результатов взаимодействия

американских методов и советской действительности. Завербовано более или менее «посоветски» значительное число сотрудников, «Диалог» — после визита из Чикаго рабочей группы отдела кадров CRT — вдруг вроде бы собрался провести жесткую чистку, напоминающую недоброе советское прошлое. Сотрудники некоторое время ходили с валидолом под языком. В конечном итоге так ничего и не произошло, хотя слухи о чистке ходили упорные, — наверное, это тоже выплывает в советскую действительность...

А вот другой пример. «Диалог» вздумал обзавестись службой прессы — «пابلк рилейшнз» по-американски. Здесь опять тяжелое советское прошлое дало себя знать. Иначе как понять статьи вроде той, что появилась в газете «Труд» 18 февраля, где без всякой на то нужды утверждалось небезыгодное: крупномасштабной сборки персональных компьютеров «Диалогом», о которой с изысканной скромностью упоминает П. Эрелов в интервью корреспонденту газеты, попросту нет и не будет в течение этого года. Да и не надо! Миссия «Диалога» совсем другая: поставка на советский рынок большого количества надежных и не очень дорогих импортных компьютеров с надлежащим матобеспечением и безотказным сервисом. Угодать кому-то, кто быть может, придет в восторг от идеи «отечественного производства» персональных компьютеров — это, по-моему, не соответствует ни гласности, ни экономической логике перестройки. Если выражение «экономическая логика перестройки» представляется несколько туманным, можно выразить иначе — «здоровый смысл».

Итак, «Диалог» — пятерка за «Микрософт», двойка за кадровую политику и двойка — за общение с прессой. Кстати сказать, центральная печать обратила на «Диалог» внимание только тогда, когда он сел в лужу с неким стропильным кооперативом, который попросту обманул фирму, забрав крупную сумму на строительство завода и исчезнув. А еще раз — когда к концу года уже сам «Диалог» надуд заказчиков, не сумев поставить общезнающую аппаратуру. Один из «надувших» в сердцах повесил на совместное предприятие клею «Рогов и копыта» в статье «Компьютерный миф», опубликованной в газете «Социалистическая индустрия»...

Конечно, деятельность «Диалога» никоим образом нельзя сравнивать с махинациями времен нага, а генерального директора Петра Эрелова — с Остапом Бендером. Времена другие, люди другие. «Диалог» — все-таки солидная международная фирма. Надеемся, со временем все его начинания достигнут уровня сотрудничества с фирмой «Микрософт».

Юрий БОРИН, специальный корреспондент Крокодила

СМЕХ В ЗАЛЕ

Развеселить человека совсем нетрудно. Достаточно рассказать ему что-нибудь смешное. Самое трудное — придумать это смешное.

А если ничего не придумать? Если взять кусок жизни и рассказать. Честно, правдиво и ненавязчиво.

Теперь, после такого вступления, сообщу читателям любопытную информацию: 1 апреля с.г. в маленьком шахтерском городке Богатыни (28 тыс. населения), в том углу Польши, который узким клином врзается между ГДР и Чехословакией, состоялся 6-й Всепольский Турнир Лгунов (или лжегов, или врунов — это как кому покажется). По-польски это звучит так: Турней Лгажи.

Не склонный к шуткам читатель может спросить: а почему, собственно, лгунов? Ведь с детства мы твердо усвоили, что врать нехорошо. Еще Цицерон говорил, что лжецу мы не верим даже тогда, когда он говорит правду.

Но Цицерон жил черт знает когда (в I веке до нашей с вами эры), а с тех пор взаимоотношения между лжецом и правдой настолько усложнились, что порой и не поймешь, где тут правда, а где ложь. Многие поколения власть имущих до того на-

VI Всепольский турнир лгунов

ловчились говорить народу неправду, что лишь больше верят как раз лгунам, как а правда отстает с недоемем.

Впрочем, название праздника — «Турнир Лгунов» — никого решительно не обманывает: все в Польше знают, что с эстрады будет звучать чистая правда.

Задача жюри (в составе которого был и наш корреспондент) была непростой: выдержать натиск остроумия, злободневности и откровенно злых шуток, исчерпано юмора и выбрать самого-самого, чтобы увенчать его короной Короля Лгунов.

...Король лгунов-88, лодзинский артист (он же автор) Анджей Енджевинский, отчаянно сопротивлялся: все-таки профессионал! Однако молодой житель города Хелмека Рышард Фудала (на снимке) все же взял верх. Одновременно с короной он получил приз в размере 80 тысяч злотых и колоссальный торг, который Фудала с чисто королевской щедростью отдал на стеление организаторам турнира и членам жюри.

Пусть не поражает читателя гигантская сумма приза, врученного при королевской новому «монарху». По официальному курсу на апрель нынешнего года это составляет примерно 380 рублей.

Я специально подчеркиваю — что курсу на апрель, ибо курс злотого относительно зарубежных валют (даже некоммерческих) непрерывно меняется. По сообщению газеты «Политика», сегодня в Польше насчитывается 200 мультимиллиардеров (!), а цены на автомобили, например, измеряются в миллиардах.

Впрочем, менять эти в Польше уже никто не потрясает. В Варшаве автомобили лесят пнеходов не только с проезжей части, но и с тротуаров. Припарковаться в городе стало почти неразрешимой проблемой.

Я не был в Польше ровно десять лет и жадно вглядывался в лица людей, слышал, как они одеты, заходя в магазины и даже кое-что покупал. Отметил для себя и то, что варшавские магазины (преимущественно частные) забиты товарами, и то, что в продовольственных — несколько сортов колбасы и сосисок, сделанных в отличие от наших из мяса, а не бов знает из чего... Что же касается польских овощей и фруктов, таких яблок, такого лука, моркови, я в наших магазинах не выдвдал ни разу. Случайный попутчик в поезде рассказал, что его родственники, живущие в Белоруссии, приезжают в Польшу за... картошкой.

Смешно? Кстати, на встрече с птущинниками в Богатыни меня спросил подросток: — Над чем смеется советская молодежь?

Я почти не задумываясь ответил: — Над тем же, над чем и польская.

А потом добавил, вспомнив слова польского сатирика Станислава Ежи Лепя: — Иногда сатира должна восстанавливать то, что уничтожил нафас.

Богатыни — Москва.

Рышард Фудала, Король лгунов-88.

ВЫСКАЗЫВАНИЯ СУПРУГОВ ФАЛЬЧАКОВЫХ

Крокодил уже как-то знакомил своих читателей с высказываниями супругов Фальчаковых, которым регулярно предоставляется место на своей «развлекательной» странице крокодилий еженедельник «Пшекур».

За время, прошедшее с первого знакомства, Фальчаковы не сидели в рот воды набрав. Кое-какие из их новых высказываний могут развлечь и наших читателей.

Чтобы кто-нибудь стал нам завидовать, нужно сперва основательно потрудиться.

Борьба с алкоголизмом в конце концов приведет к тому, что мы будем чокаться бутербродами.

Ничто так не экономит время и деньги, как любовь с первого взгляда.

В молодости нас заботит, что о нас думают. В зрелом возрасте нам безразлично, что о нас думают. И только в старости мы обнаруживаем, что о нас вообще никто не думает.

Фальчак мечтает уйти на пенсию, чтобы иметь возможность закончить книжку.

— Ты пишешь книжку? — удивились друзья.

— Нет, я ее читаю.

Перевел Н. ЛАБКОВСКИЙ.

Йордан
Попов
(Болгария)

Из цикла
«Встречи
с Ралевым»

РЕСПЕКТАБЕЛЬНОСТЬ

Ралев с удовольствием вспоминает те три месяца, которые он провел на ответственной службе. Одетый в темный костюм, со скорым выражением лица, Ралев звонил в дверь и, когда ему открывали, приглушенным голосом говорил:

— Здравствуйте. Прошу вас сохранять самообладание и полное присутствие духа при тех словах, которые я вам скажу. Жизнь сурова, и мы должны стойко переносить ее удары...

И когда испуганные и поблдевшие хозяева слышали следующее: «Я фининспектор. У вас задолженность по квартплате — тридцать два лева и семнадцать стотинков», — они бегом «с рванутью» на лице приносили деньги.

С другими же инспекторами они притрагивались и оспаривали счета до посинения.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ЗАБОЛЕВАНИЯ

Когда речь зашла о профессиональных заболеваниях, свой пример привел и Ралев:

— Я знаю одного бывшего ответственного работника, который за долгие годы на своей службе получил тик на левый глаз. С кем бы ни говорил — ревизором или приятелем, — он непрестанно подмигивал левым глазом. Некоторые из его собеседников потом оказались за решеткой... В суде, разумеется, он тоже подмигивал.

Сейчас этот человек на пенсии, всеми уважаемый активист. Вот только на собраниях его просят садиться подальше, потому что своим постоянным подмигиванием он однажды так смутил оратора, что тот в продолжение всех полутора часов заикался и пытался в чем-то оправдаться.

Ралев закончил:

— Неуверенность также может послужить причиной профессионального заболевания оратора.

ЕДИНСТВО СЛОВА И ДЕЛА

Когда одного человека расхваливали за то, что у него слова не расходятся с делом, ни с того ни с сего поддал голос Ралев:

— Единство между словом и делом может быть и недостатком. Есть люди, которые не только говорят глупости, но еще их и совершают.

Перевел
Игорь ИЛИНГИН.

— Не знаю, что подарить дочери в день рождения, ее отец решил посоветоваться со своей матерью:

— Мам, если бы тебе стукнуло 16, чего бы тебе хотелось?

— Больше ничего!

На любительском спектакле. На сцене погла все действующие лица.

— Убите злыми языками, — в третий раз и чуть не во весь голос подает реплику потерявший терпение актер.

— Да мы знаем слова, но не знаем, кому их говорить, — не менее громко отвечают со сцены.

— Так зачем Ной взял в свой ковчег всякого тваря по паре? — спрашивает учительница гимназии на уроке библейской истории в младшем классе.

— Я думаю, потому, что не надеялся на аиста, — сказал маленький Эдгар после долгого молчания.

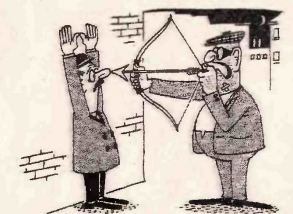
— Два тигра беседуют в клетке:

— Послушай, вон идет та дама, которая всегда приносит нам по кусочку сырого мяса. Не помню только, зачем она кладет возле тебя букет цветов?

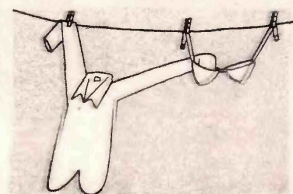
— А она была замужем за тем чудяком, которого я съел месяц назад...

«Дикобраз», Чехословакия.

— Простите, сэр, но я коплю деньги на покупку револьвера...
«Биллед-бладет», Дания.

«Паланте», Куба.

«Гир-гир», Турция.

ВИНЬЯНС АЛЬФОНСО
(Куба)

В ПАУЗАХ — ЦЕЛОВАТЬСЯ!

Сейчас курить не модно. Курящий человек похож на провинциала, отставшего от моды по крайней мере на пять лет.

Вот совсем новый научный метод, который при строгом его соблюдении может наверняка избавить вас от привычки, сжигающей и здоровье, и деньги. Автор этого метода, многоуважаемый японский ученый Такемаито, досконально изучил навыки тысячи курильщиков и в настоящий момент является также подлинным специалистом во всем, что касается растения, известного под названием «Никотина табакма лошаде капута», и его серийных производных: «Кент», «Мальборо», «Памир», «Данхилл» и др. и пр.

В основе метода вышеупомянутого ученого лежат выводы, носящие принципиальный характер: в течение суток бывают моменты, когда самый заядлый курильщик не берется за сигарету. Вот они:

1. Когда он спит. (Храп со свистом не возобранется, так как курить с открытым ртом неудобно.)

2. Когда он моется в душе.

3. Когда ест (тут бывают исключения).

4. Когда сидит в приличном кинотеатре.

5. Когда целуется.

Исходя из этого, Такемаито составил расписание дня для тех, кто хочет бросить курить. Вот оно:

С полуночи до пяти — глубокий сон. Храп желателен.

С пяти до восьми — водные процедуры, полоскания. К воде обогащенной кислородом, можно добавлять по желанию мед, лимон, тоник, виски, джин, пиво или настойку. Это зависит от того, какую погрешительную процедуру вы выберете.

С восьми до трех — легкий ленч. И никаких пауз в приеме пищи!

После этого до шести часов опять водные процедуры — либо баня с бассейном, либо (в зависимости от климата и географии) подводная охота. Охотиться лучше на мелких и средних рыбешек пестрячек, белугок, толстек, — чтобы не нервничать и не возбуждаться.

С шести до восьми нетерпеливый ужин с разнообразными закусками, мороженым, десертом и прочей ерундой.

С восьми до десяти посещение кинотеатра.

Оставшиеся два часа самые трудные. Но творческий гений Такемаито сумел разрешить и эту задачу.

Он изобрел синтетическое повидло «Бх № 3», одна порция которого так склеивает зубы, что самые ловкие из пациентов, задерживая весь свой челюстно-кузально-глобальный аппарат, расходуют на одну порцию повидла не менее двух часов, после чего начинается цикл долгого сна.

В паузах указанного режима, перерывах, непредвиденных ожиданиях (в очереди за подводным ружьем или билетом в кинотеатр) средство одно — целоваться, целоваться, целоваться...

Перевел Игорь ХОМИЛИН.

— Я ужасно беспокоюсь, — говорит один подросток другому. — Отец надрыцается на работе, чтобы и ни в чем не нуждался и поступил в университет. Мать целыми днями занята уборкой, старкой и глажкой моего вешака, не отходит от меня, когда я боюсь...

— Так чего же ты беспокошься?

— Боюсь, как бы они не попытались сбегать!

Муж жене, надевая выходной костюм:

— Да пойми же ты, Герда! Ведь я назначил Карин сегодняшнее свидание еще за несколько месяцев до нашей свадьбы...

— Я же просил вас разбудить меня в пять утра, а сейчас уже семь, и мой поезд давно ушел!

— Я действительно хотел разбудить вас в пять утра, но вы же вернулись в гостиницу только в половине шестого...

Гуанар отправился знакомиться с родителем новесты.

— Ну, как все прошло? — спросила его по возвращении мать.

— Знаешь, то-и-то, я ни понравился. Ее отец три раза предлагал отвезти меня домой!

Из журналов «Биллед-бладет», Дания, и «Ви», Швеция.

Жан-Поль Бельмондо

Тележурналист о прилете в Москву Жана-Поля Бельмондо был отягощен припиской. Камера радостно спланировала на воздушные ворота нашей Родины — Шереметьево-2, тогда как углы летательный аппарат, самолетик по имени «Пчела», с актером в чреве совершил посадку совсем наоборот — в Шереметьево-1. Через историю самого Бельмондо в нездешнем загаре и светло-коричневой, в тон, кожаной куртке, режиссера Клода Лелюша в сером пыльнике, а также друга Жана-Поля, крупного французского бизнесмена, и немногочисленную свиту, включавшую гримера, телохранителя и пресс-агента.

— С ума сойти! Ведь ему уже за сорок, — послышалось из хорошо информированных источников, окулировавших депутатский зал аэропорта.

Настолько, товарищи, за сорок, что уже пятьдесят шесть. И все эти годы нога Бельмондо не ступала на шестую часть Земли.

Тут в исторически сжатые сроки актер открыл премьеру фильма Лелюша «Баловень судьбы» (в главной роли — сами понимаете, кто), сходил в Кремль и в цирк, дал пресс-конференцию, переманил в Ленинград. График был настолько плотный, что Бельмондо даже не пустил своего гримера в московский магазин «Гавана», где несчастный художник лица хотел разжиться ящичком сигар. А в обязательные для физических упреждений минуты делал «угол» на лестничных перилах — для экономии времени.

Но на вопросы журналистов отвечал исправно, хотя некоторые из них и оказались для него из категории головоломных.

— Как вы оцениваете фигуры Сталина, Брежнева и Горбачева?

— Я с 18 лет в театре и более 30 лет в кино, а политики не занимаюсь.

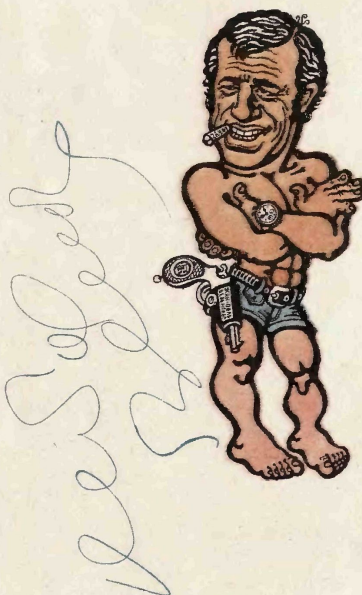
— А как относитесь к Арафату, учитывая, что вы родились в Алжире?

— Я учитываю, что родился в 14-м квартале Парижа.

Видимо, в благодарность за доброе отношение и руководство благодарным побуждением улучшить артисту занятию, одна московская газета сделала выдвину Бельмондо женатым человеком, написав, что именно жена поддерживала горячо и искренне идею поездки в Советский Союз.

Не упустил своего шанса задать пару вопросов актеру и «Крокодил»:

— Принято считать, что юмор имеет национальную окраску. Не могли бы вы снабдить советский юмористический журнал вашим собственным определением «французского юмора»?

Дружеский шарж К. КОЖУХОВА (Карагандинская обл.)

— Для француза юмор это прежде всего умение смеяться над самим собой. Чем драматичнее ситуация, тем больше потребность в юморе, в смехе. В основном наш юмор именно на этом строится.

— А не могли бы вы привести какие-нибудь примеры из вашей жизни?

— Ну, мое чувство юмора, быть может, нетипично... Не буду говорить об имени всех французов, а то расскажу что-то совсем не смешное, а вы подумаете: вот так юмор у французов!

Вообще в моей жизни немало было чисто фарсовых ситуаций. Люблю розыгрыши и мистификации. Например, когда на съемках или во время театральных турне мы с друзьями живем в отелях — а это бывают серьезные, чопорные заведения — людьми среди ночи самовольно переезжать из комнаты в комнату. Зачем? Так, повеселиться.

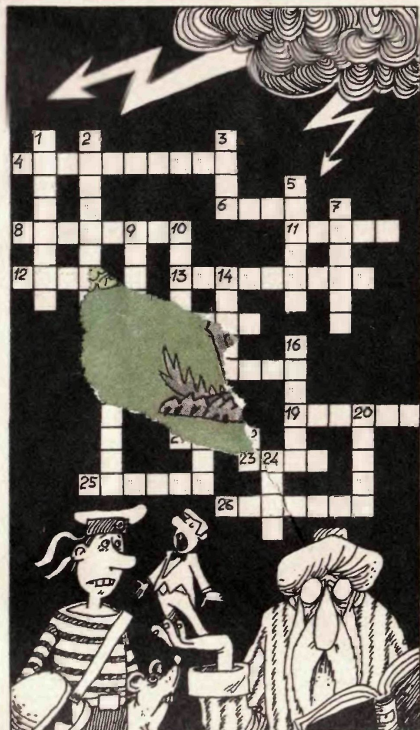
Вообще здесь, в СССР, в окружении людей, которые, кажется, меня любят, очень трудно за несколько секунд придумать и сказать что-нибудь смешное. Хотя юмор — как самолет на взлетной полосе, юмор — это что-то мгновенное. Как наша жизнь: еще вчера я смотрел представление с Франком Синатрой и Лайзой Минелли, а сегодня я здесь, в СССР, и меня тут принимают, будто я тоже какая-то «звезда».

— Сегодня у нас в стране многие деятели искусства, в том числе и режиссеры, и актеры, активно занялись политикой. Некоторые из них избраны в наш новый парламент. А как обстоит с этим дело во Франции?

— Во Франции нет актеров-депутатов. Есть, правда, актеры, которые занимаются политикой. Но я ею никогда не занимался и не буду. Моя единственная политика — развлекать людей, заставлять их смеяться или плакать. Думаю, моя земная миссия именно в этом. Если бы у меня были какие-то серьезные политические идеи, я бы не смог быть актером. Тут уж надо выбирать. Но, думаю, быть актером гораздо интереснее. Надо сказать, что во Франции многие политики хотят видеть имена актеров в числе своих избирателей. Я никогда не разрешал этого делать с собой и вообще с таким политиком отношусь с сомнением. Если они в погоне за популярностью прибегают к таким фокусам, возможно, у них что-то дурное в голове?

Т. ШЕЙЗЕРОВ,
Л. ФЛОРЕНТЬЕВ.

КРОКОДИЛЬСКИЙ ВЕСЕЛЫЙ КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 4. Юный земноводник. 6. Партия одиночек (муз.). 8. Материал, который часто совсем другой. 11. Грубошлеп. 12. Массовый прикол (мореходы). 13. Натальная чересполосица. 15. Дробовик (муз.). 17. Наушник для простаков. 18. Пешка, доведенная до крайности. 19. Ячейка детсадовского общества. 21. Железная уравниловка (дрововодчск.). 23. Пообедная реляция. 25. Умник, довольствующийся простотой (островск.). 26. Знак внимания в один присест.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Улицезероющий (правоохр.). 2. Бумага на засылку (карнавалы). 3. Гнусное воздействие (таежн.). 5. Древесный подводник. 7. Зуб на зуб. 9. Первый корабельный бегун. 10. Мероприятие, отработанное как следует. 14. Тропический плетень. 15. Тупоконечный остров (свифтовск.). 16. Речь части (лингв.). 17. Человек, выдающий нежеланное за действительное. 20. Верховный громила (древнеславянск.). 22. Сомнительное междометие. 24. Ни головы, ни ножек.

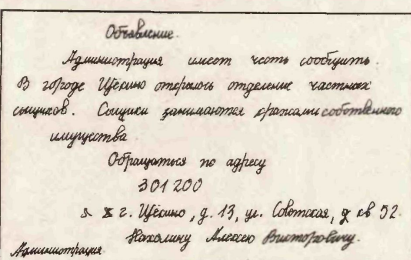
Составил Р. ПЕТРОВ.

ОТВЕТЫ НА КВК, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 17

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 4. Инструкция. 7. Ум. 8. Ветеринар. 9. Фонарь. 10. Рог. 12. Пирог. 13. Скандал. 15. Яблоко. 16. Парница. 19. Платеж. 20. Ябак. 23. Цейтнот. 24. Носильщик. 26. Подолок. 28. Пряник. 29. Коляска.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Стпендия. 2. Эскилорис. 3. Диван. 5. Кузька. 6. Метролог. 11. Гриб. 14. Кукушка. 16. Петушок. 17. Король. 18. Пластик. 21. Серия. 22. Корона. 25. Колобок. 27. Компас.

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

Прислал А. Янежин, г. Щекино.

«СПРАВКА

дана Олексюк Александру Ивановичу 1969 г. в том, что он (она) проживает в г. Мелитополе по ул. Гагарина, дом 3, кв. 306.

На иждивении находится дети:

1. Отец Олексюк Иван Петрович 1935 г.
2. Мать Олексюк Елена Константиновна 1937 г.

(Справка выдана ЖЭУ-7).

Прислал И. Олексюк, г. Мелитополь.

«Плэжи и прокладки проверяют на воспламеняемость стрельбой по технической документации, утвержденной в установленном порядке».

(Из инструкции).

Прислал В. Задорожный, г. Краснодар.

«Объявить выговор за ослабление контроля над подчиненными, неприятие мер по наведению должного порядка в соблюдении внутреннего трудового распорядка».

(Из приказа).

Прислала Ю. Золотарева, г. Ленинград.

«Примером перехода от одностороннего резания к реверсивному может служить применение правых резцов для левых работ».

(Из брошюры «Прогрессивные технологические процессы в машиностроении», издана ВНИИЭМР Министерства станкостроительной и инструментальной промышленности СССР).

Прислала В. Михайлов, И. Парфенов, г. Оренбург.

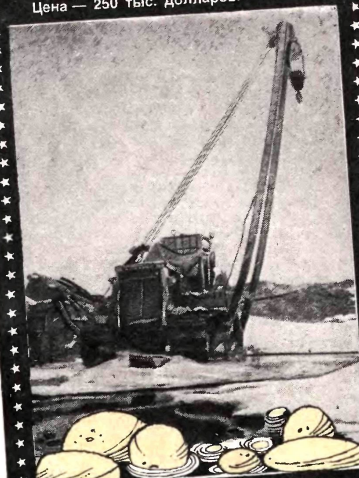
**КАК У НАС
В САДОЧКЕ...**

Японский «Сад камней» — рукотворный уголок неживой природы, влекущий философов и эстетов.

Ямбургский «Сад трубуоукладчика» тоже рукотворный уголок неживой природы, влекущий, однако, неопознанных техников японской фирмы «Каматцу».

Теоретик «Сада трубуоукладчика», пишет тюменец В. Хлыбов, ПО «Сибгазкомплектмонтаж».

Время создания — сентябрь 1987 г.
Цена — 250 тыс. долларов.

ОТ СОЛНЕЧНОГО УДАРА

надёжно защищает жителей Феодосии и курортников широкой сеть промышленных предприятий. Во-первых, устойчиво дымят 50 малых котельных. Во-вторых, хорошо чадят литейный цех на вода рядом с мискокомбинатом. В-третьих, у самого моря благоухают два асфальтобетонных завода, а вдоль пляжей непрерывно снуют тепловозы. Надежно регулируют прямые ливневые стоки и Войкова. Об этих достопримечательностях курьер-дорожник Э. АЛЬПЕРТ.

РЕДКОЕ ХОББИ

у жителя латвийского города Резекне С. СОЛОВЬЕВА. Перед очередной заваркой отечественного чая он вои начинает извлекать из высыпанной на белый лист бумаги чайной порции соринку за соринкой, веточку за веточкой. Это несуетливое занятие успокаивает нервную систему значительно эффективнее, чем медитация или упражнения йоги. А главное — Соловьев ищет вкуснее. Товарищ Соловьев ищет единомышленников и готов обмениваться с ними редкими соринками из своей богатейшей коллекции.

**КОГДА У ВАС НЕ
ЛАДЯТСЯ ДЕЛА**

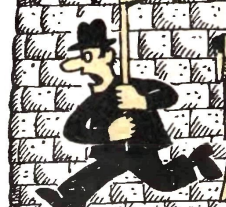
и линия судьбы проходит косо, не надо колотить в колокола, не надо только вешать нос, а надо объявить о создании очередного Фонда.

Так и поступили свердловские метростроители. Не утруждая выпуск акций, выводов и организации, и население, они прибегли к самому простому способу выживания живых денег: объявили о создании Фонда помощи самим себе. Цель достигнута: финансирование метро в руках будущих пассажиров.

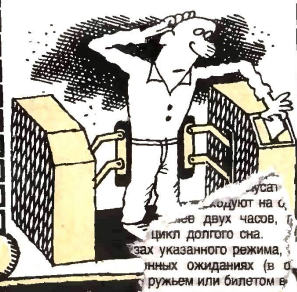
А для контроля за пополнением нового Фонда создана комиссия в составе второго секретаря горкома партии В. Иванова, вторых секретарей городских райкомов и председателей райисполкомов.

Нельзя сказать, пишет Н. ТУШОВ, что эта инициатива воспринимается с восторгом. Возможно, на очереди создание Фонда милосердия к канализации и водопроводу, которые в городе явно не в порядке.

МИРНАЯ ИНИЦИАТИВА

Приколотненского кирпичного завода из Харьковской области должна быть широко подхвачена!» — считают студенты Харьковского инженерно-строительного института. Работая летом в строительном отряде, будущие специалисты убедились, что из приколотненского кирпича ни крепости, ни тем более дота не построишь. Студенты обратились ко всем странам НАТО с предложением начать выпуск безбидного саморазрушающегося кирпича. «Непрочные крепости — гарантия прочного мира на планете!» — говорится в обращении.

**НОВОЕ В
СОЛНЕЧНОЙ СИСТЕМЕ**

открыла для себя пенсионерка из Хабаровского края М. ЕЩЕНКО, приобрета ЖЕНСКИЙ КАЛЕНДАРЬ, выпущенный Политиздатом и отпечатанный с матрицы в типографии издательства «Звезда» в г. Перми.

Оказывается, в 1989 году число месяцев увеличилось до 14. Теперь стало два февраля и два марта. Правда, один из мартов урезан до 30 дней. В связи с вышеизложенным тов. Ещенко спрашивает: будет ли вылечиваться дополнительная пансия за два не предусмотренных ранее месяца?

**КАК ПОВЫСИТЬ РЕНТАБЕЛЬНОСТЬ
АВТОТРАНСПОРТА,**

не сокращая управленческий аппарат, не повышая производительности труда и качества ремонта, не улучшая режим работы автобусов?

ПЕРЕНИМАЙТЕ ОПЫТ

руководителей автоколонны 1440 (г. Орджоникидзе, Северо-Осетинской АССР). Там переименовали ряд маршрутных ав-

тобусов в экспрессы и стали взимать с пассажиров вместо пятая 20 копеек.

Таким образом, как сообщает нам Э. КАЙТУКОВ, убиты сразу два зайца: уменьшена автобусная давка, так как «лишние» пассажиры томятся на промежуточных остановках, и внеуровня увеличилась выручка за счет счастливиц, которые вынуждены ехать «от конца до конца».